

ПОСЕВ

Не в силе Бог, и в правде!

год издания 64-й

№ 1383

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В виду обострения отношений с Германией из-за датинского вопроса польские правители в генеральном итоге продались империалистам Англии и Франции, рассчитывая при помощи последних урвать новые территории за счет Германии, Словакии, Литвы и в первую очередь за счет Советского Союза. В предательском плане Англии и Франции натравить на Советский Союз Германию Польша играла роль застрельщика. Несмотря на все попытки Советского Союза, видшего последовательную политику мира, договориться с Англией, Францией и П. с целью сохранения мира в Европе, политика П., инициированная Чемберленом и Даладье, сорвала переговоры. Стало ясно, что империалисты Англии, Франции и П. мечтают о новом разделе мира, об укреплении своего колониального могущества. Польские правители и не скрывали своих империалистических захватнических целей, требовали новых колоний, разжигали бешеную травлю против Советского Союза.

Мудрая сталинская политика разрушила все замыслы империалистов. Заключение пакта о ненападении с Германией в корне изменило всю международную обстановку, положило конец подлой и лживой политике П. «Традицион-

70 лет
начала
второй
мировой
войны

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
«СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Том один в трех томах 2 мая 1959 г.
Подготовка к печати 28 июня 1959 г.

№ 8
2009

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

*Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов,
Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян,
С.В. Волков, А.Б. Горянин,
В.Э. Долинин, Е.И. Древинский,
Г.В. Кокушко, О.А. Кузнецова,
С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкирёв,
А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков,
В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, В.Ж. Цветков,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.*

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве:
(495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом:
Possev, Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-7355; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректор
А.М. Самойлова

Вёрстка
М.Ю. Родионов

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

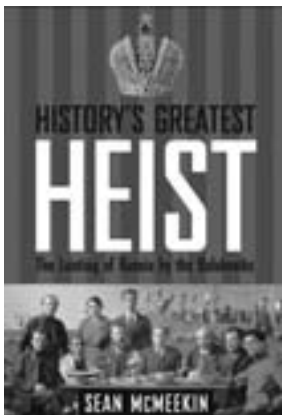
ПОСЕВ

№ 8 (1583) август 2009 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	2
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ	
Борис Пушкарёв.	
Самый главный праздник	3
Ярослав Леонтьев.	
Август 1991	4
Антон Печерский.	
Грозит ли стране «ГКЧП-3»?	9
Татьяна Трибрат.	
Уважаемые сотрудники Администрации Президента!	16
Ежи Бар, Хероним Граля.	
4 июня 1989 – экзамен, сданный на «отлично»	17
Ежи Бар.	
У Польши в России много послов... ..	25
70 ЛЕТ НАЧАЛА II МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
Рольф-Дитер Мюллер.	
Субъектно-субъектные отношения	31
Вячеслав Королёв.	
Начальный период II мировой войны... ..	33
Юрий Кулиш.	
Из пережитого	40
КНИГИ И ЛЮДИ	
Георгий Вербицкий.	
Книга, которую следовало написать и издать в России	45

3 июля 2009 г. ежегодная сессия Парламентской Ассамблеи ОБСЕ одобрила Резолюцию «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке»:

«1. Ссылаясь на Всеобщую декларацию прав человека Организации Объединенных Наций, Хельсинкский Заключительный акт и Хартию Европейского Союза об основных правах,

2. принимая во внимание события, произошедшие в регионе ОБСЕ за последние 20 лет после падения Берлинской стены и “железного занавеса”,

3. отмечая, что в двадцатом веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества,

[...]

5. напоминая государствам-участникам ОБСЕ об их обязательстве “четко и безоговорочно осудить тоталитаризм” (Копенгагенский документ 1990 года),

[...]

7. отдавая себе отчет в том, что переход от коммунистической диктатуры к демократии не может быть осуществлен в одночасье и что при этом должны также учитываться исторический опыт и культурное наследие соответствующих стран,

[...]

10. напоминая об инициативе Европейского парламента объявить 23 августа, т.е. день подписания 70 лет назад пакта “Риббентроп–Молотов”, общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма во имя сохранения памяти о жертвах массовых депортаций и казней,

Парламентская ассамблея ОБСЕ

11. вновь подтверждает свою единую позицию, отвергающую тоталитарное правление в какой бы то ни было форме независимо от ее идеологической основы;

[...]

13. настоятельно призывает государства-участники:

a) продолжать изучение тоталитарного наследия и повышать осведомленность о нем общественности,

b) разрабатывать и совершенствовать учебные пособия, программы и мероприятия, особенно для молодых поколений, о тоталитарной истории, человеческом достоинстве, правах и основных свободах человека, плюрализме, демократии и терпимости,

c) поощрять и поддерживать деятельность НПО, проводящих исследовательскую и просветительскую работу о преступлениях тоталитарных режимов;

14. просит правительства и парламенты государств-участников полностью избавиться от структур и моделей поведения, нацеленных на то, чтобы приукрасить тоталитарное правление, попытаться к нему вернуться или же стремиться продолжить его существование и в будущем, препятствуя полной демократизации;

15. просит также правительства и парламенты государств-участников полностью избавиться от всех структур и моделей поведения, в основу которых было изначально заложено нарушение прав человека;

16. вновь обращается с призывом ко всем государствам-участникам открыть свои исторические и политические архивы;

17. выражает глубокую обеспокоенность по поводу восхваления тоталитарных режимов, включая проведение публичных демонстраций [...];

18. призывает государства-участники к проведению политики противодействия ксенофобии и агрессивному национализму, а также принимать более эффективные меры по борьбе с этими явлениями;

19. просит уделять больше внимания во всех государствах-участниках соблюдению прав человека и гражданских свобод даже в сложные времена террористических угроз, экономического кризиса, экологических катастроф и массовой миграции».

7 июля Председатель Госдумы Б. Грызлов сказал парламентским журналистам:

«Сегодня Совет Государственной Думы совместно с Советом Палаты Совета Федерации принял заявление в связи с недавней резолюцией Парламентской ассамблеи ОБСЕ, фактически обвиняющей СССР в развязывании войны. Российские депутаты как полноправные члены этой авторитетной организации активно участвуют в ее работе. Тем более удивительно, что Парламентская ассамблея ОБСЕ, отвлекшись от обсуждения вопросов, ради которых она создавалась, – безопасность на континенте, гуманитарное сотрудничество и укрепление доверия между нашими народами, – занялась формированием “праздничного календаря” для тех, кто в годы страшной войны занимал, мягко говоря, двусмысленную позицию.

[...]

Российский парламент вынужден в этой ситуации громко и внятно сказать, что мы не позволим превратить Парламентскую ассамблею ОБСЕ в организацию, обслуживающую заказчиков горе-историков. [...]».

Борис Пушкарёв

Самый главный праздник

С легкой руки приближенных к власти кругов в июне прошла дискуссия на тему – какой праздник важнее: День России 12 июня или День Победы 9 мая? В нынешней политической обстановке ответ был очевиден. Но даже и без политики, 9 мая состоялось судьбоносное событие мирового масштаба, тогда как 12 июня – всего лишь тактический ход Съезда народных депутатов РСФСР. К тому же неоднозначный ход; кто-то в нем видит начало новой российской государственности, кто-то – конец единства страны. Популярным этот праздник так и не стал.

Между тем, популярное 9-е мая дата еще менее однозначная, в силу тройственного характера войны 1941–1945 гг. Да, в течение двух лет она действительно была отечественной красные командиры почувствовали себя русскими офицерами, а красноармейцы – русскими солдатами, и очистили русскую землю от иноземных завоевателей. Но первые 15 месяцев войны господствовали иные настроения – те, что крестьяне еще в годы коллективизации определили словами «За такую власть я воевать не буду». Популярен был ленинский лозунг «превратить войну империалистическую в войну гражданскую». Показательно, что патриотическую перелицовку своего режима – восстановление погон, упразднение политруков, восстановление патриаршества, упразднение Коминтерна и Союза воинствующих безбожников – Сталин начал только после того, как Власов в декабре 1942 г. огласил свое Смоленское воззвание, и угроза большой гражданской войны стала реальной. Гитлер позаботился о том, чтобы эту угрозу снять, и Сталин как бы поблагодарил его за это, признав в своей речи 7 ноября 1943 г., что «глупая политика Гитлера» – один из гарантов советской победы. Последний предпобедный год войны уже к Отечеству имел мало отношения. «Добить гадину фашизма в ее логове» могли бы и американские атомные бомбы – к концу 1945 года – без нашей помощи. Задача состояла не в этом, а в насаждении коммунистического строя в возможно большей части Европы.

Ради этой цели еще в 1939 г. Сталин дал Гитлеру развязать войну, заключив пакт Молотов-Риббентроп. И стал готовить широкомасштабное наступление на Европу. Гитлер его опередил, но с непредвиденной им задержкой Ситалин этой цели достиг – ценой гибели 27 миллионов наших соотечественников. Хорош национальный герой!

Слава Богу, что наш народ из величайшей трагедии XX века выбрался. Память о погибших в ней надо чтить – что, между прочим, стихийно делают поисковики. Но Победа имела разные лики – для одних она обернулась концлагерем или расстрелом, а для народов Восточной Европы – сменой одной

диктатуры на другую. Если этого не понимать, а тупо повторять «мы спасли мир от фашизма», то и прослывешь мелкомасштабным повторением СССР, и будут вокруг тебя воздвигать ПРО и продвигать вплотную к тебе НАТО. Культ «Великой Победы» обременен слишком многим, и никуда не зовет – кроме как любоваться своим советским прошлым, забывая про все его преступления. Это путь в никуда.

На счастье, есть у нас и светлые дни – дни великой радости и надежды, зовущие в будущее – дни Преображенской революции 19–22 августа 1991. В эти дни свершилась главная российская национальная задача XX века – свержение коммунистической диктатуры: КПСС прекратила свое существование. Событие это произошло стихийно (его никто не планировал, планировали его предотвратить) и – бескровно (если не считать несчастный случай под Новым Арбатом). Самая кровавая диктатура в истории была свергнута без крови. Событие это столь же эпохально как Октябрьский переворот, который оно отменило. В международном плане оно изменило всю геополитическую структуру (конец биполярного мира) а во внутренней политике восстановило государство под названием «Россия» и дало возможность строить его на человеческих ценностях, противоположных ценностям советским. НА СОГЛАСИИ, А НЕ НА НАСИЛИИ.

Нам пытаются внушить, что русский народ велик тем, что он победил немецкий «фашизм». Хотя победил он не один, и победили бы его и без нас. Но не большее ли величие в том, что он победил коммунизм? Против коммунизма восставали многие: в Восточной Германии, в Польше, Венгрии, Чехословакии, и все все, пока он был силен в Москве. Некоторые думали: там его может уничтожить лишь атомная бомба. Но русская победа над коммунизмом сделала атомную войну ненужной и поражение коммунизма окончательным. Это ли не заслуга? Это ли не повод для национальной гордости? Почему о нем не говорят?

Современные сменовеховцы, вроде Наталии Нарочницкой, утверждают, что преемственность русского и советского необходима для цельности национального самосознания. Если, мол, СССР не Россия, то у русских на протяжении 70 лет не было «легитимной государственности». И факт, ее у нас после крушения белых правительств, в самом деле, не было. Но это не значит, что у нас не было истории. У нас была история сопротивления нелегитимному государству, была история жизни под этим государством, история полная и взлетов и падений. Вот ее и надо изучать, ради выработки уравновешенного РОССИЙСКОГО национального са-

08/2009

мосознания. Самосознания, которое никак не может себя отождествлять с преступным государством, в мирное время погубившим 25 миллионов своих граждан.

Празднуя Преображенскую революцию, мы празднуем отказ от государства насилия и лжи, празднуем прорыв к свободе и праву, которые

нам будут нужны повседневно в предстоящие годы. Президент Ельцин скромно объявил 22 августа Днем российского флага, но государственным праздником этот день так и не стал. А после Ельцина о нем как будто забыли. Но стране надо о нем помнить. Потому, что он самый главный.

Ярослав Леонтьев

Август 1991

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЧЛЕНА СОВЕТА НИПЦ «МЕМОРИАЛ», ДОЦЕНТА МГУ

По окончании Историко-архивного института в 1990-м году я по приглашению Владлена Сироткина пошёл работать младшим научным сотрудником Дипломатической академии и учёным секретарём «Дипломатического ежегодника». Мой тогдашний босс Сироткин был тесно связан с оргкомитетом Конгресса соотечественников, в связи с чем встречи по линии оргкомитета проходили и в стенах Дипакадемии. Я не помню, возглавлял ли уже в этот момент Конгресс соотечественников [народный депутат РСФСР] Михаил Никитич Толстой, но так или иначе мне приходилось встречаться и с ним, в том числе ездить для этого в Белый дом.

– *По просьбе Сироткина?*

– У Сироткина как уроженца Ярославщины имелся план организации в рамках Конгресса соотечественников, открывавшегося 19 августа 1991 года, небольшого – трёх – или четырёхдневного – теплоходного рейса для участников Конгресса. Мне, как человеку, кровно связанному с Калязиным (городком на Волге, – *А.Л.*), эта идея тоже была симпатична. Я разрабатывал программу предполагаемого круиза, и мои визиты в Белый дом в первую голову были связаны как раз с этим. Однако ближе к августу стало ясно, что этот круиз по каким-то причинам «накрывается».

После этого Сироткин привёл меня в только что заработавшее тогда Российское телевидение на 1-й улице Ямского поля, где он имел дела с [одним из тогдашних руководителей Российского ТВ Анатолием] Лысенко. Мы начали формировать съёмочную бригаду РТВ для работы на Конгрессе, которую возглавил Сироткин и в которой я выступил в роли его помощника и корреспондента. (Были с нами и две штатные корреспондентки.) Нам выделили камеру, операторов, администратора, и у нас получилась небольшая телебригада. С новостными репортажами о ходе Конгресса соотечественников мы должны были выходить в эфир ежедневно, может быть, даже по несколько раз на день.

Открылся Конгресса в Концертном зале имени Чайковского. Но программа его была многогранной

и включала в себя мероприятия во множестве других залов, музеев и так далее.

Как известно, ряд представителей третьей волны эмиграции выступил с нелицеприятными заявлениями о том, что Конгресс слишком тесно связан с Кремлём и что он будет проходить под контролем Лубянки. Многие из них отказались от приезда на Конгресс. В то же время многие приехали – Лев Копелев, Кронид Любарский, Михаил Агурский... Кроме того, прибыли и вполне достойные представители «детей первой волны», живые ещё представители второй волны.

17 августа 1991 года наша телебригада вместе с большей частью участников Конгресса заселилась в гостиницу «Россия». Наступает воскресенье 18 августа. Приезжает Сироткин. Первый, кого мы берём на борт прогулочного катера в качестве нашего собеседника (как и должно для Истории с большой буквы) – внук Родзянко.

– *Священник Василий?*

– Нет, его брат. Первая наша беседа, которую мы записываем в ходе прогулки по Москва-реке (вёл её Сироткин), была посвящена последним дням Российской империи, теме отречения Государя Императора и роли в этом дедушки нашего собеседника.

Вторым нашим мероприятием в этот день стала Патриаршая служба в только-только возвращённом соборе Донского монастыря. Я сделал свой первый материал, проинтервьюировав на фоне могилы Чаадаева в Донском монастыре жившего в Америке представителя уже второй волны эмиграции – художника Черкеса (ученика Грабаря).

На следующий день было запланировано открытие Конгресса, которое должно было начаться торжественным богослужением в Успенском соборе Кремля. Но утром в понедельник 19 августа, в начале седьмого, раздался звонок с «Ямы» (на жаргоне телевизионщиков – резиденции Российского телевидения на 1-й улице Ямского поля): здание блокировано, камеры арестованы, нам – карт-бланш на работу с нашей чуть ли не единственной на всём Российском телевидении не арестованной камерой, которая находилась с нами в номере.

Я выхожу на балкон и смотрю на танки, появившиеся под стенами Кремля со стороны Васильев-

*Беседовал Алексей Пятковский.

ского спуска. На самой Красной площади ещё спокойно: люди гуляют...

Мы пересекли Красную площадь, вошли в Кремль и отправились к Успенскому собору, где шло богослужение – то знаменитое Патриаршее богослужение, в ходе которого Святейший Патриарх не... Надо будет уточнить формулировку.

– *...Не поддержал переворот.*

– Да, да. В его богослужении отчётливо присутствовал момент, который все восприняли так, что он не солидаризировался с переворотом.

Мы выходим через Кутафью башню, и здесь, напротив Манежа видим БТРы, другую бронетехнику. Народ уже на них залезает, начинаются какие-то летучие митинги, а мы всё это снимаем, и записываем блиц-интервью и с гражданскими, и с военными.

У библиотеки Ленина встречаю одного её сотрудника – известного своими резко националистическими взглядами бывшего студента вечернего отделения Историко-архивного, который впоследствии читал лекции в РНЕ. Увидев меня (известно тем, что ходил по институту со значком: «Борис, ты прав!»), он, радостно улыбаясь, и вполне себе дружески похлопывая меня по плечу, «поздравил» демократов с поражением и прокричал что-то типа: «Наши уже в городе. Конец вам, ребята!»

Потом я узнал, что мой друг [анархист из Иркутска] Игорь Подшивалов, который приехал на Федеральный совет КАС (Конфедерации анархосиндикалистов, – А.П.), в этот момент находился где-то поблизости – в нескольких метрах (или нескольких десятках, сотнях метров) от меня на Манежной площади. Там же, как выяснилось впоследствии, находились и наши ТСНовцы (коллеги Я. Леонтьева по Товариществу социалистов-народников, – А.П.) – Никита Тюков, который вёл агитацию и пытался ложиться под танки (что зафиксировано на какой-то телеплёнке) и другие ребята.

Поснимав, мы ретировались в гостиницу «Россия», там заседал оргкомитет Конгресса и проходили его пресс-конференции. От Кремля или правительства Москвы (которое 19 августа, пока [мэр] Попов летел из Киргизии, представлял [вице-мэр] Лужков) участникам Конгресса последовало предложение, если последние этого захотят, обратиться к некоторым из них и поспешили сделать. Но большая часть категорически отказалась это делать. Более того, Мстислав Ростропович, примыкавший к тем несогласным представителям третьей волны, что отказались приезжать на этот профильтрованный, как им казалось, Конгресс соотечественников, воспользовался данной ему Конгрессом визой и примчался в Москву именно по ней.

– *На самом деле, он прилетел без визы и получил её уже в «Шереметьево», использовав как предлог приглашение на Конгресс.*

– Очень возможно.

В этот день до и после обеда мы (и я, и Сироткин) записали ещё несколько интервью. Я, напри-

мер, записал интервью с Мариной Воробьёвой – дочкой врангелевского юнкера и галлиполийца, которая очень резко высказывалась по поводу того, что происходит в этот момент в стране. Когда я задал ей вопрос, собирается ли она покинуть Конгресс, она ответила, что ни в коем случае, что надо доделать то дело, которое начали их отцы. При этом основные интервью писались (как и было задумано заранее) на балконе гостиницы с видом на Кремль. Получался красочный такой вид не только на кремлёвские стены, но и на стоявшие под ними танки.

После обеда и отдыха (не помню, был ли в этот день «тихий час») участникам Конгресса подали автобусы для доставки их на официальное открытие Конгресса. Мы (наша бригада) поехали туда, по-моему, хотя и вместе с этой колонной, но отдельно от участников – на закреплённом за нами микроавтобусе Российского телевидения.

В этот момент в центре Москвы царил хаос: на Мясницкой проходила демонстрация брокеров и биржевиков во главе с Боровым, другие ходили и агитировали, третьи просто слонялись по городу. Уличное движение было нарушено, многие улицы перекрыты. Но благодаря мигалкам сопровождавших колонну ГАИшных машин колонна хотя и медленно, но верно продвигалась в сторону Тверской – вверх по Славянской площади, мимо Старой площади и площади Ногина и дальше на Лубянку и на Тверскую. На площади Маяковского участникам Конгресса раздавали листовки, среди которых помню НТСовскую листовку с осуждением ГКЧП. Между прочим, сами НТСовцы на Конгрессе тоже присутствовали, – например, такие знаменитые, как Роман Редлих и Елизавета Миркович. Последняя с интересом расспрашивала меня о ТСН. Выяснилось, что у нас с ней была любимой одна и та же книга – мемуары эсерки Екатерины Олицкой, выпущенные «Посевом» (свой экземпляр которой я раздобыл в Амстердаме). Миркович даже сказала, что, живи она в годы революции, то тоже вступила бы в ПСР. А Редлих потом дал интервью [главному редактору органа ТСН «Революционная Россия»] Андрееву для «РевРоссии».

Прибыв на место, входим в Концертный зал имени Чайковского. Открытие долго не начинается. В зале нарастает гул. Наконец, на сцене появляется Музыкантский и какие-то ещё представители то ли московского правительства, то ли депутатского корпуса и начинают произносить свои вступительные речи. Вдруг один седой человек выбегает на сцену, требует слова и произносит речь о возрождении России несмотря ни на что. Провожают его бурной овацией. Спустя два-три дня я с ним познакомился. Это оказался Сергей Павлович Петров – сын колчаковского генерала, вывозившего за границу часть колчаковского золота. (Этот сюжет затем вырос в книгу Сироткина.)

По окончании мероприятия мы проследовали в гостиницу «Россия». Оттуда я попытался дознаться до кого-то из своих товарищей по политиче-

08/2009

ской деятельности, но никого из них, что вполне понятно, заставить не смог.

В первой половине дня 20-го августа наши девушки с Российского телевидения подняли форменный бунт, говоря, что в стране происходит революция, что они не подчиняются больше Сироткину, а хотят освещать происходящие события. Сироткин же настаивал, чтобы мы продолжали работать на Конгрессе, но ничего поделать не смог. В конце концов, Сироткин махнул рукой, камера и девушки нас покинули, наша бригада развалилась.

Забегая вперёд, скажу, что одно другому не мешало. Потом мы всё же успели записать много интереснейших, потрясающих интервью с участниками Конгресса – детьми белогвардейских генералов, диссидентами третьей волны... И именно этой же камерой была снята трагедия под мостом близ Смоленской площади.

Я сказал Сироткину, что хочу попытаться проникнуть в Белый дом. Он ответил: «Валяй!» Я на метро добрался до «Баррикадной» и по аккредитации Конгресса соотечественников и Российского телевидения дошёл до Белого дома: все баррикады распахивали мне двери, и я проходил кольца защиты одно за другим.

Не помню уже, кто именно при входе в Белый дом отправил меня сразу на внутреннюю радиостанцию, где сидели Саша Политковский, Саша Любимов и кто-то ещё, и вели свою бесконечную трансляцию по внутреннему радио Белого дома. Один раз я и сам выступил в эфире, обговорив тему выступления с Политковским. Он показал заготовку моего текста Любимову, сидевшему за стеклом у микрофона, и тот пустил меня в эфир. Я выступил как бы от имени Конгресса соотечественников. Я напомнил про Семибоярщину, свергнутую народным ополчением, и сказал, что узурпаторы власти мне как профессиональному историку напоминают Семибоярщину, а вы, братья и сестры (я на слезу бил), напоминаете мне народное ополчение Минина и Пожарского.

В ночь с 20-го на 21-е августа на радиостанцию зашёл Григорий Алексеевич Явлинский, который предстал в образе этакого ковбоя в джинсовой куртке. Заходили туда и другие узнаваемые люди – деятели культуры, политики, экономисты. Встретил я в коридоре и Руцкого в бронежилете и с автоматом наперевес.

В какой-то момент меня отправили наверх – в кабинет Сергея Адамовича Ковалёва на шестом этаже. Его помощники по Комитету по правам человека работали в режиме оперативных дежурных: к ним со всей страны поступала информация, которую нужно было передавать на радиостанцию. Меня как незадействованного на эфирной работе и бросили на это дело. Там я исполнял роль оперативного дежурного. Я принимал телефонограммы, фиксировал их, а сидящая рядом девушка Таня забивала их в компьютер. Через две недели наши сводки растиражировали «Аргументы и факты» (без упоминания наших имён!).

Когда я сидел у Ковалёва, туда поступали интереснейшие звонки из самых разных мест – от Кубинки до Тбилиси. Раздался звонок из Киева с сообщением о том, что там тоже ждут штурма. Позвонила Лариса Богораз и спросила, нет ли там поблизости Сани Даниэля, который ушёл из дома сутки назад и всё не возвращается.

Затем по радиостанции объявили, что вот-вот начнётся штурм, и Руцкой выступил с призывом ко всем защитникам Белого дома отойти от здания на столько-то метров, задрать все окна, опустить жалюзи и выключить свет. Мне выдали противогаз. (Его у меня, кстати, отняли возле Белого дома 5 октября 1993-го года, когда я в составе остатков нашей санитарной дружины продолжал разыскивать там раненых и убитых.) По всему зданию стали растягивать пожарные шланги и для чего-то по всем коридорам разбрасывать из мешков пустые бутылки. Не знаю, для чего – может быть, чтобы штурмующие поскользнулись на них в темноте? (Или чтобы они своим звоном предупреждали о местах прорыва обороны? – А.П.) Немного позже, когда основная тревога уже прошла, внутри двора поставили армейскую подстанцию, возможно, на случай отключения Белого дома от электроснабжения.

Наконец, мы услышали выстрелы. К нам поступило не менее десяти только зафиксированных звонков о столкновениях в Москве. Звонили из разных точек, вплоть до Парка культуры, и количество жертв называли разное. Создавалось впечатление, что речь идёт о разных эпизодах, хотя, как выяснилось потом, речь шла об одном и том же эпизоде – трагедии в тоннеле у Смоленской площади. По внутреннему радио объявили, что штурм начался.

Не помню, в этот ли момент я увидел заснувшего у себя в кабинете на сдвинутых стульях Ковалёва, рядом с которым стояла утыканная «беломоринками» пепельница. Я зашёл в кабинет Николая Михайловича Аржанникова (его заместителя, капитана милиции из Ленинграда) посоветоваться насчёт того, стоит ли поднимать руки, когда сюда сейчас ворвутся «альфовцы». Он посмотрел на меня пронзительным взглядом и молча залез в карман пиджака, вынул пистолет и положил его на стол перед собой. Я так и не понял, что означал этот жест: то ли то, что он в этом случае застрелится, то ли то, что будет отстреливаться до последнего патрона. Я так и не понял, стоит ли мне поднимать руки.

Я несколько раз ходил по этажам Белого дома. При этом я обменивался короткими репликами с защитниками – и милиционерами, и вооружёнными штатскими – и делал об этом в блокноте пометки на память. Эти люди залегали в чём-то вроде гнёзд обороны из мешков и чего-то ещё, и были, действительно, готовы к обороне в случае необходимости.

Когда я в очередной раз спустился на радиостанцию, то увидел там Мстислава Ростроповича. На одной из листовок с указом Ельцина, который

тиражировался там же в Белом доме, он оставил мне свой автограф с надписью: «Белый дом, 20 августа 91-го года».

С приходом утра неожиданно для меня внутри Белого дома началось оживление: в коридорах появились уборщицы, открылась парикмахерская, пришли на своё рабочее место буфетчицы. Поняв, что делать там больше мне было нечего, я, набрав большую пачку листовок, отправился домой.

По дороге я раздавал листовки направо и налево. Когда я ехал уже по нашей Филёвской линии и попытался как-то закрепить одну из них в вагоне метро (вряд ли приклеить, хотя, может быть, какое-то клеящее средство у меня и было – скотч, например), какая-то относительно пожилая женщина вдруг сорвала эту листовку и чуть ли не набросилась на меня с кулаками. Неожиданно весь вагон, состоящий практически из одних женщин, вскакивает и чуть ли не линчует эту мадаму, вытолкнув её на первой же остановке. И все начинают тянуть ко мне руки за прокламациями. Я сразу почувствовал себя в роли (как её, Пелагеи?) Власовой.

Я решил, что мне пора возвращаться в лоно политической деятельности. Добравшись до дома, я залез в чулан и достал свою армейскую шинель (чтобы спастись от холода в следующую ночь) и начистил пыльные сапоги. Это была моя любимая форма одежды ещё со времён ТСН. (В таком виде я выходил, например, на демонстрацию 1 мая 1990-го года.) Кроме хунвейбиновской повязки с топором и надписью «Земля и воля» я ходил в десантной тельняшке (летом могла быть речфлотовская), чёрной рубашке со значком ТСН и в сапогах, заправленных в чёрные джинсы. Словом, я имел вид то ли позднего черносотенца, то ли раннего нацбола.

Поспав, я (в шинели, всё как положено) вечером отправился слоняться по Москве. Я ходил и жадно впитывал впечатления. Я был у тоннеля на Смоленской (там я подобрал на память несколько осколков от стекла троллейбуса, протараненного БТРом, и по возвращении домой положил их в пакет вместе с осколком Берлинской стены), зашёл в Белый дом, побывал на Старой площади. Но уже ничего не происходило, и я вернулся в гостиницу «Россия».

Накануне я встречал у Белого дома анархистов (это были червяковцы, которые вместе с ДСовцами стояли возле одного из подъездов Белого дома), но они ничего не смогли мне сказать про моих товарищей по ТСН или КАС. Между тем, эти последние располагались на ступеньках СЭВа, на баррикаде № 6. Игорь Подшивалов организовал там отряд, в котором его заместителем стал беспартийный коммунист подполковник Костя Чавелча, в октябре 1993-го года – боец одного из офицерских взводов в самом Белом доме. Вторым его заместителем являлся Никита Тюков. Подшивалов пришёл туда в чёрной рубашке, а Чавелча – в красной. Они связали эти рубашки и сделали из них чёрно-красное анархо-синдикалистское знамя.

Отряд состоял из ТСНовцев, КАСовцев, АРО-Мовцев [Анархо-радикальное объединение молодёжи] (Лозована, Тарасевича и других) и примкнувших к ним анархо-панков и хиппи. Находилась с ними и знаменитая американская анархистка Лора Акай. В качестве фельдшерницы у них выступала Юлия Шепелькова (сейчас – жена Алексея Гусева из Библиотеки Виктора Сержа). Баррикада эта была автономна. Её руководство имело сношения со штабом обороны Белого дома, но она не была расписана по сотням, то есть не входила в структуру сформировавшихся отрядов обороны. Именно на эту баррикаду пришёл Константин Кинчев и стал устраивать там концерт. Затем появился Сукачёв. Там было весело.

Поскольку камеры с нами не было, я взял из дома диктофон и записал 21-го и 22-го много интересных интервью, ходил в колоннах, которые были повсюду в центре Москвы, как и стихийные митинги, появлялись рукописные транспаранты типа «Долой КПСС!», предпринимались попытки захвата Старой площади... Ходили слухи, что ничего ещё не закончилось, что всё ещё только начинается, потому что в Москву должна войти дивизия Дзержинского.

Помню прямо-таки фронтовую сценку, участником которой я стал 21 августа. С одним участником Конгресса – русским американцем Григорием Поляком, журналистом из «Нового журнала» – нам надо было добраться до митинга у Белого дома. (Он очень опаздывал то ли на какую-то встречу, то ли на запись.) Транспорт практически не ходил, и на Садовом кольце я останавливаю какую-то военную машину с солдатами (что-то типа полторки), договариваюсь с офицером, солдаты подают нам руки, мы выпрыгиваем в кузов и затем трясёмся в нём по неровным московским дорогам.

Вечером 22-го я оказался на Лубянской площади. Помню, что записывал там Саню Даниэля и заведующего публикаторским отделом Центрального государственного архива литературы и искусства Сергея Шумихина. Я встретил очень много своих знакомых – народнофронтовцев, ДСовцев и других. Подходил и к знакомым мне людям, и к незнакомым и делал блиц-интервью о том, чем они занимались в эти дни. Часть сделанных мною записей Сироткин затем запустил в эфир, когда выступал на какой-то радиостанции – кажется, на «Эхе Москвы».

Когда начался демонтаж памятника [Дзержинскому], я ещё не знал, что всем этим распоряжается [генеральный директор Департамента мэра Москвы] Евгений Савостьянов – человек в элегантном костюме и с аккуратной бородкой. Подъехал и [1-й заместитель председателя Моссовета] Сергей Станкевич.

Когда в момент демонтажа всех людей попросили за оцепление, я, пользуясь своей аккредитацией, подошёл к Станкевичу и протянул ему руку. Мы с ним радостно поздоровались, и Станкевич разре-

08/2009

шил мне остаться при самом демонтаже. Я даже потрогал Феликса в тот момент, когда его снимали с пьедестала. Кроме того, я записал на диктофон рабочих с подъёмного крана, которые его демонтировали.

– **О чём спрашивал рабочих?**

– Ну, о чём можно спрашивать? О том же, о чём я спрашивал Станкевича и других людей – об их ощущениях в этот исторический момент. Кроме того, я спросил их имена.

Неожиданно около ёлок возле музея Маяковского я встретил своего одноклассника Витьку по кличке Нос, с которым много лет сидел за одной партией, который ездил со мной в археологическую экспедицию и который, незадолго до того закончив ленинградскую школу КГБ, работал оперативником. (Некоторое время до этого, мы с нашим одноклассником Вилли Павленко говорили ему: «Братец! Если начнётся народная революция, ты что же, будешь в народ стрелять?» Он отвечал вроде как бы: «Нет, не буду».) Он стоит вместе с каким-то другим опером, имеет растерянный и бледный вид и не понимает, что происходит. Феликса больше нет. Народ рвётся штурмовать Лубянку, а Савостьянов со Станкевичем уговаривают этого не делать. Витёк попивает что-то вместе с своим компаньоном. Оба – слегка под шофе.

Я начинаю их уговаривать сдаваться. Он отвечает, что им надо пошущукаться, и они от меня отходят на пять минут. Потом возвращаются. Этот второй от нас отделяется, а мы с Витьком шествуем прямо к Евгению Савостьянову. Даже не зная его функцию и роль, но, видя, как он всем распоряжается, мы понимаем, что это – главный человек на площади. (Главнее даже, чем Станкевич.) Я обращаюсь к нему и говорю, что, вот, опер с Лубянки хочет разоружиться перед народом. На что Савостьянов велит идти к Белому дому и называет, кажется, номер подъезда и фамилию человека, к которому нам нужно обратиться.

Мы отправляемся к Белому дому. В Белый дом я вместе с ним вошёл, но что происходило дальше, не знаю. Нос отправился на беседу с кем-то, а я остался внизу. Меня заинтересовали совсем юные, но решительно настроенные курсанты какой-то областной (возможно, Владимирской) милицейской школы, которые заменили собой прежнюю штатную милицейскую охрану Белого дома. Мне было интересно побеседовать с этими ребятами и их начальником-старлеем. Через непродолжительное время Витёк вернулся. Делать нам было нечего, и я взял его ночевать к нам в штабной номер в «Россию». Ситуация эта чем-то напомнила мне времена «Дней Турбиных»: неожиданная встреча, разоружение, и теперь уже я беру своего товарища под своё прикрытие.

– **В чём должно было заключаться это его «разоружение перед народом»...**

– В том, что я уговорил его перейти на сторону российского ГБ и примкнуть к белодомовцам.

– **Теперь – о дне похорон трёх погибших ребят... Какого это было числа? Двадцать четвёртого?**

– Возможно. ...Я пришёл из «России» на траурный митинг на Манежной площади. На этот раз я не стал использовать свою аккредитацию для того, чтобы приблизиться к трибуне, и оказался на противоположной стороне от Манежа – в районе гостиницы «Москва». Там я неожиданно для себя увидел Юрия Николаевича Афанасьева – в обычной летней рубашке, без привычного костюма и галстука. Афанасьев и Коротич во время августовских событий находились за границей и, по слухам, чуть ли уже ни начали договариваться о создании демократического правительства в изгнании.

Я дошёл вместе с траурной процессией до самого Белого дома, а вот на Ваганьково не пошёл. Я встретил на процессии работавшего со мной в Дипакадемии япониста Игоря из «золотой молодёжи», сноба по жизни, ездившего на японской машине и весьма саркастически относившийся ко мне. Он неожиданно пригласил меня к себе пообедать. Жил он в каком-то, по-видимому, ЦКистском доме неподалёку от Нового Арбата. Зная моё положение и связи в демократическом движении, он, подобострастно юля, стал расспрашивать меня о том, что будет дальше со страной, с Дипакадемией. Мне это было, честно говоря, противно. Когда мне стало совсем мерзко, я его покинул.

Когда камера к нам вернулась, мы продолжили съёмки участников Конгресса. Но судьба нашего фильма оказалась печальной. Как ты понимаешь, никакого предполагавшегося ежедневного выхода в эфир не состоялось, и все снятые нами сценки и интервью были сведены в один телефильм, прошедший по телевидению всего один раз. Мы долго над ним работали, – я просиживал над ним бессонные ночи в монтажной на Яме ещё в сентябре. Но Российское телевидение было тогда столь бедно, что оказалось вынуждено размагничивать старые плёнки. И наш фильм тоже постигла такая же судьба. От него остались только некоторые исходники, которые недавно мною переданы в видеоархив «Мемориала». (Кроме этого, мне удалось напечатать заметку о Конгрессе в «Неделе» у Игоря Серкова.)

Дня три-четыре спустя после августовских событий я совершенно неожиданным образом сталкиваюсь в лифте гостиницы «Россия» с Кронидом Аркадьевичем Любарским и предлагаю ему записать интервью. Он мне на это отвечает, что сейчас очень торопится, но вечером приглашает меня приехать с камерой домой к своему другу. Что мы и делаем. Этим его другом оказывается первый лауреат российского «Букера» писатель Марк Харитонов – соученик по Педагогического института имени Ленина Ильи Габая, Юлия Кима и других. Я попадаю к нему домой и первой, кого я вижу во всей тамошней роскошной компании, оказывается Оля Эдельман – моя одноклассница по институту и, как выяс-

нилось, племянница Марка Харитонов. Там, вообще, собралась замечательнейшая компания – Любарский, Лев Копелев, Вячеслав Всеволодович Иванов, Владимир Петрович Лукин, Юлий Ким, Ирина Якир и надо вспоминать кто ещё. В этот вечер я записал интервью с Любарским и Копелевым. Большая часть их сохранилась на исходниках, которые мне удалось потом чудом раздобыть для Галины Саловой-Любарской.

В эти же дни там же в «России» скончался Михаил Агурский, с которым мне тоже было бы очень интересно поговорить и обсудить всё произошедшее.

– *Это – историк?*

– Да. Автор книги «Идеология национал-большевизма» и многого чего ещё. Человек, который запустил в оборот (вернее, вернул) словосочетание «национал-большевизм» и вернул в историографию фигуру Устрялова.

Таким образом, я оказался свидетелем переплетения, связки, такого букета людей и судеб: тут и Родзянко, и дети врангелевцев и колчаковцев, и живые НТСовцы, и Лев Копелев, Ростропович, Любарский... Одним словом, благодаря всему этому я ощутил себя СВИДЕТЕЛЕМ ИСТОРИИ.

Антон Печерский

Грозит ли стране «ГКЧП-3»?

Употребляя аббревиатуру «ГКЧП», мы подразумеваем не единственное «учреждение» с этим названием, организовавшее попытку государственного переворота в августе 1991 г., но всякую попытку мятежа, инициатором которой являются постсоветские силовые структуры. Первая, как известно, оказалась безуспешной и хода событий развернуть не смогла.

Вторым эпизодом в серии наших неудавшихся переворотов стал демарш генерал-майора Александра Коржакова, начальника охраны, первого помощника тогдашнего Президента России Бориса Ельцина и руководителя ФСБ генерал-полковника Михаила Барсукова, предложивших Борису Николаевичу после первого тура президентских выборов удалить из своего окружения либералов-финансистов. На первом этапе на неизбежное продолжение опалы красноречиво указывала «коробка из-под ксерокса» и не являвшийся секретом от спецслужбистов остальные средства «предвыборной кассы». И если предлогом в глазах президента должно было служить указание на хищение ими значительных денег, то прямым следствием становилось прекращение мощного и бесперебойного финансирования ельцинской кампании. Взамен Коржаков кулуарно советовал Борису Николаевичу не проводить второго тура вообще, а устроить свой «государственный комитет по чрезвычайному положению»: разогнать и/или пересажать коммунистическую оппозицию, – благо силы и основания достаточные для проведения операции, наличествовали, – и далее действовать в рамках введённого им же самим чрезвычайного положения.

Президент мрачно понаблюдал за суровыми перебранками приближённых и их лихими прожектами... и «ушёл» Коржакова с Барсуковым. Уже на следующий день вошедший в политический фавор отставной генерал-десантник Анатолий Лебедь гордо и значительно пробасил насчёт «предотвращения ГКЧП-2». Под этим красноречивым назва-

нием событие и вписалось в новейшую историю страны.

Фактом своей позорной отставки Александр Коржаков, при прежней власти бывший прикреплённым ГБ-шным охранником секретаря Бориса Ельцина, впоследствии другом, что при складе характера президента прямо подразумевало «активным собутыльником», человеком, которого связывала с Ельциным клятва на крови (Коржаков демонстрировал по телевидению шрам на руке), был оскорблён и унижен до крайней степени. Чувства генерала-охранника естественны и не вызывают удивления, а следствием их и стремления высказать возможно большей аудитории нелюбимые эпизоды из жизни и карьеры Ельцина, свидетелем и участником которых был сам Коржаков, стало появление целой книги скандальных и скабрёзных воспоминаний «Борис Ельцин: от рассвета до заката» и длинной серии пространственных интервью. Коммунистические и околокоммунистические газеты со злорадством и упоением публиковали беседы Коржакова и жонглировали интимными фактами из жизни тогдашнего президента. После долгого и не критичного чтения могло даже сформироваться впечатление, что именно Коржаков был «засланцем» государственно-патриотических сил в Кремле, этаким «товарищем Кобой», готовившимся свернуть шею сторонникам неприятного Чубайса. Но подобного рода экзерсисы были уделом «лево-патриотических» идеологов-кликуш; более серьёзные товарищи из числа приспешников Зюганова испытывали терпкую благодарность к публично проклиняемому рыжему хитрецу, твёрдо зная, что именно усилиями людей его команды удалось без потери лица «слить» второй тур и даже выпендриваться впоследствии по поводу точности подсчёта голосов; говоря откровенно, именно благодаря победе «финансистов» над «силовиками» красные получили дальнейшую возможность клясть «антина-

08/2009

родный режим» и «кровавого Эльцина» и кататься на авто с проблесковыми маячками «мигалками». Коммунисты получили ещё одну историческую отсрочку, которая уже ничего не могла изменить в их невесёлой судьбе, и уже следующие выборы, где вместо справедливо критикуемого Эльцина перед ними встал молодой Владимир Путин с отлично организованной информационной поддержкой, выявили их полное фиаско. Какие же мысли подтолкнули нас к анализу происходящих событий?..

Начало правления Владимира Путина, пока ещё в качестве премьера в ельцинском кабинете министров, подало надежды на возрождение Российской государственности. Удар по бандитским формированиям чеченцев, изначально представленный контртеррористической операцией с ограниченными целями, доводится до логического конца в форме полной ликвидации сепаратистского образования «Ичкерия». Пресечение в несколько этапов политических поползновений самых влиятельных и амбициозных богачей. Однако постепенное преобразование формы государства требует внятно изложенной, цельной идеологии российского возрождения, которая в стране отсутствует. Увы, сам президент Путин и окружающие его силовики, воспитанные на преклонении перед Триэсэрией и многократно переоценивающие роль специальных служб в укреплении российской (в их понимании, несомненно, советской) государственности, склоняются к красновато-розоватому объяснению исторических событий и трактовок нынешней ситуации и соответствующему воспитанию молодёжи. Понимание «ошибочности» советского строя, приобретенное на практике во время действий на «невидимом фронте», сочетается с ностальгическими мотивами «привольной советской родины» и в рефлексующем исполнении сводится к поиску неких досадных ошибок, приведших Союз к краху. Но в прослойке, определяющей заданность идеологического вектора, эти споры не слишком важны, и практически не оказывают влияния на мягкую попытку сростить большевизм с сопротивлением ему, несмотря на противоестественность самой задачи

Сам факт существования коммунистов в стране, потерявшей от этой чумы XX века наибольшее число жизней своих лучших детей, не может не вызывать понятные и справедливые чувства. Но ЭТИ коммунисты, равно, как и вообще идеология интернационал-социализма, представляют ныне самую минимальную опасность. В дополне-

ние к полной неменяемости этой публики, у них к тому же отсутствует какое-либо единство даже в принципиальных вопросах: среди них есть «троцкисты», и «маоисты», сторонники «освободительной борьбы палестинцев против американского империализма и мирового сионизма», торжественно носящие платки- «арафатки» и нередко принимающие ислам исключительно из чувства ненависти к западному миру нормальных людей, неизбежно включающему в себя русскую цивилизацию. Всё это до крайности неприятно, но серьёзную опасность для страны создают не они.

Национал-большевизм, сменовеховство, евразийство волновали некоторые умы русской эмиграции не одно десятилетие. В Зарубежье эти явления были досконально изучены, препарированы и с точностью классифицированы как идеологические штаммы всё того же совдеповского коммунизма, замаскированные некоторыми понятиями из лексического пласта исторической России, однако нагруженными здесь на-

Говоря откровенно, именно благодаря победе «финансистов» над «силовиками» красные получили дальнейшую возможность клясть «антинародный режим» и «кровавого Эльцина» и кататься на авто с проблесковыми маячками «мигалками».

родническо-уравнительным, социалистическим смыслом: собранность, общинность, народность... В 20-30-е гг. сменовеховцы окончательно погубили себя ретирадой в Совдепию и разрывом с антибольшевицкой традицией русского патриотизма, евразийцы – сотрудничеством с ГПУ. И покоиться бы плохо изданным творениям евразийцев в соответствующих архивных фондах...

Беда в том, что в СССР отсутствовала вменяемая идеология. «Труды» Брежнева и светло-серые брошюры с перечнями резолюций съезда коммунистической партии не в счёт – к вменяемой и просто даже привлекательной для человека думающего и ищущего они отношения не имели, а жертвами идеологии становились либо люди малообразованные, либо, к своему несчастью, убеждённые с детства в естественности и логичности развития страны этим путем. С началом перестройки и гласности труха внешнего слоя большевицкой пропаганды оказалась смыта, подобно вымытой дождями земле на скорбных могилах в Бутове или Куропатах. Наиболее доступной для послесоветской этнически и культурно русской интеллигенции оказался пласт досоветской или «не совсем советской» идеологии, задействованный ещё большевицкими властями. Это – великая русская культура: литература, живопись, зодчество, театр, грандиозная летопись побед и поражений русского оружия, характерная внешняя атрибутика погубленной красными страны.

Вот тут-то и совершился основной акт роковой подмены, сбивший с толку громадное количество постсоветских россиян. Идеологи из оформившейся в недрах КПСС ещё в 70-х «русской партии» (это – самоназвание с привлечением почти точной цитаты из заглавия книги Александра Байгушева), когорты «писателей-патриотов» повела наступательную и, во многом, успешную кампанию, в ходе которой связь «белой России» и «красной России» выглядела естественной, причём «красный» период истории страны величался наиболее славным и привлекательным для подражания. Всё-то отличие от классического марксизма – признание предыстории не тёмной, а, в основном, светлой (исключая имперский, петровско-екатерининско-александровский период), да и родословная коммунизма отныне сводилась не к «извечным мукам рабочего люда», средство для избавления от которых изобрели неработающие еврейские интеллектуалы, а, к вящему удивлению пребывающих в чертогах Люцифера отцов-основателей, к «общинной традиции русского крестьянства». Адепты абсолютной азиатчины и исламофилы вкрадчиво добавляли: «... возникшей в результате плодотворного симбиоза Московской Руси с «полюсом многополярного мира» – Ордой». Досадный же и портящий чистоту концепции факт большевицкого переворота был объявлен ни много - ни мало как «собранием земель русских после Февраля». А в Февральском перевороте теперь винули извечных масонов, «жидов» и либералов: они-то и свергли царя, и пришлось народу выбирать нового – красного! Белое движение объявлялось «антинародной масонской задумкой» для призвания исторически ненавидящих «матушку-Расею» европейцев и расчленения её. А большевицкие «экспессы» (самым мягким определением которых служит слово «стратонид») под пером больных на голову идеологов становились только и исключительно проделками «примазавшихся к русским массам местечковых жидов»... Впрочем, пересказывать кощунственные подлоги красных националистов здесь не место, не время: это тема отдельной работы, равно, как и само описание интереснейшей эпохи перестройки и гласности. Важен вывод: достаточно обширный слой людей попал под влияние национал-большевицкой и евразийской ереси. Усугубило ситуацию и полное невнимание деятелей ельцинской эпохи к образованию людей и воспитанию у них патриотизма, российской, а не советской идентичности. И монополистами стали именно национал-большевики. (Здесь я не подразумеваю структуру Лимонова.)

Однако крах коммунизма, моральный и физический, прочно закреплённый в течение девяностых, сам по себе расчищает дорогу здоровым силам, способным возродить несчастную страну. Гражданская война уже однозначно понимается всем российским обществом именно и только с белогвардейской стороны, и группки маргиналов не могут ис-

портить погоды. Вся историография тех событий новейшего времени посвящена только и исключительно вопросам и нюансам наиболее полного освещения Белой освободительной борьбы. Что, в конечном итоге, сознают и «розовые» идеологи, для которых главным и самым ценным является именно подсоветский период истории России. Чтобы уравнивать белую и красную Россию, выбирается II мировая война, вокруг которой разворачивается неприличное камлание и свистопляска, состоящая в оправдании зверств режима «во имя красного флага над Берлином», издевательском принижении роли союзников и оголтелом антиевропеизме. Фетишизация 9 Мая и фактическая реабилитация рябого бандита, иногда прикрытая стыдливими оговорками про «неоднозначность репрессий», открывает дорогу отвратительным уродам – адептам советского строя, реваншистам и евразийцам. И вот тут-то мы уже можем свести воедино информационно-идеологические и социальные основы того круга, который грезит реставрацией Триэсэрии, злорадно мечтает об ухудшении (отчасти ими же провоцируемой) международной обстановки, социальной ситуации внутри страны и представляет себя в качестве Адольфа Гитлера, призываемого к верховной власти престарелым президентом Паулем Гинденбургом.

Увы, очистительной десоветизации Россия так и не испытала. Открывшаяся историческая правда и недоверие вперемишку с презрением к коммунистическому учению обеспечили последнему удручающую непопулярность в годы правления Бориса Ельцина, а основные носители человеконенавистнических идей, казалось, прочно вытеснены за пределы гражданского общества, и довольствуются малотиражными газетёнками, заполненными портретами Сталина, злобными угрозами «всех расстрелять и сослать» и симптоматическими антисемитскими эскападами.

После относительного наведения порядка в стране, зримыми образами которого стали поля сражений второй чеченской кампании с апофеозом в виде обезображенной тушки Масхадова, в левопатриотическом лагере наметилось принципиальное разделение. Наименее мыслящая часть так и не смогла воспринять неизбежную переоценку советчины, даже половинчатую и недостаточную, но уже явно неприемлемую для данной аудитории, которая так и осталась на прежнем положении, продолжая занимать глухую оборону, и, демонстрируя в своём узком кружке превосходные степени дремучести. Собственно, этим зловонным кружком сфера влияния и замкнулась.

Однако в свете так и не произошедшего расставания руководства страны с советским прошлым, – когда сознательным, когда инстинктивным, – у более умной и пластичной секции национал-большевиков появился шанс получить влиятельный и полуофициальный статус при власти. Международная обстановка не представляла радужных

08/2009

перспектив, с крахом коммунизма территориальные и экономические разногласия с соседними державами никуда не делись. Наоборот, прибавились новые члены «мирового сообщества» из числа республик бывшего СССР. Это – либо страны, государственность которых возникла после развала Российской империи и погибла в недрах Союза, либо сконструированные уже в советский период образования, обретшие независимость. Строящиеся с новой Россией отношения часто оказывались сложными, а необходимость национальной идентификации и конструирование государственной идеологии становились причинами грубых и малообъяснимых претензий к нашей стране. Элитные слои РФ, пребывая в растерянности, были не в состоянии сформулировать обстоятельный и взвешенный, согласный с историческими интересами ответ. Основной причиной этого стало фатальное отсутствие духовной и правовой преемственности с исторической (несоветской) Россией. Машинальные ответы, хоть и прикрытые демократической фразеологией, демонстрировали глубинно коммунистическое понимание обстановки.

Тут-то и решили «пригодиться» национал-большевицкие идеологи. В условиях, когда откровенно коммунистическая и «демократическая» (прозападная) концепции вызывали брезгливый плевок, ими радостно и поспешно выкладывалась концепция «державная». Представляя собой, по сути, панегирик советской военно-промышленной мощи вкупе с антиевропеизмом, внешне она вела свою родословную не от октября 17-го, а из глубины веков. И если, на деле, действительности это не соответствовало (опора здесь делается не на труды русских славянофилов, а на «розовую» философию первой половины прошлого века плюс постоянное и настойчивое глорифицирование советского участия в ВМВ как краеугольного камня русской истории), то массами воспринималось как вновь найденная вполне стройная, многое объясняющая система взглядов, оправдывающая существование СССР.

Сделав первый шаг, власти пришлось делать и второй. Рост напряжённости во внешних делах, прорвавшийся пятидневной войной с соседней Грузией, ещё более укрепил позиции национал-большевизма. Однако ещё и до этого его видные идеологи стали частыми гостями на теле- и в радиоэфирах.

Почувявшие конъюнктурные веяния книгоиздательства занялись массовым выпуском их актуальных работ с прогнозами и «подсказками». Росла и агрессивность национал-большевиков, сосредоточившаяся на «отрицателях победы советского народа» и начавшейся реформы Вооружённых сил, проводимой Сердюковым. На главном элементе последних – офицерском корпусе – придётся остановиться подробнее.

Второй фактор, провоцирующий беспокойство, это наполнение государственных структур значительным количеством «силовиков», а именно спецслужбистов и военных. Для правильного понимания вопроса очень прошу не рассматривать негативно само присутствие

этих самых «силовиков», чем грешит вульгарно-либеральная точка зрения. Напротив, военное ведомство всегда являлось одной из важнейших компонент российской цивилизации, и значение разведки и контрразведки не стоит преуменьшать и ни в коем случае не стоит негативизировать. Беда наших современных военных и фэсбэшников заключается в их глубоко советском воспитании и мировоззрении. Причину чему опять-таки следует видеть в большевицком слове нормального течения русской истории.

Принципиально находясь вне политики и не

общаясь с политическими партиями, русское офицерство как важнейшая часть служилого сословия беспрекословно блюло верность Богу, Царю и Отечеству, то есть являлось корпусом наиболее сознательных и культурных православных (христианских) монархистов-патриотов. Итогом печальных событий, последовавших за Великой войной и военной неудачей Белого движения, стало физическое уничтожение огромной части офицерства, чиновничества и духовенства и последующего поражения в правах уцелевших остатков. В рамках беззастенчивой борьбы за власть уничтожаются и многие из красных главарей времён Гражданской, не успевшие понять и признать власть Сталина, или имевшие слишком непохожий на мнение большинства взгляд. На замену им спешно бросаются «сталинские выдвигенцы», – как правило, беспринципные, волевые и целеустремлённые выходцы из низших слоёв, лишённые как общего, так и специального образования. Ограниченность кругозора и преданность благодетелю вкупе с боязнью

Тут-то и решили «пригодиться» национал-большевицкие идеологи. В условиях, когда откровенно коммунистическая и «демократическая» (прозападная) концепции вызывали брезгливый плевок, ими радостно и поспешно выкладывалась концепция «державная». Представляя собой, по сути, панегирик советской военно-промышленной мощи вкупе с антиевропеизмом, внешне она вела свою родословную не от октября 17-го, а из глубины веков.

потерять всё, вплоть до жизни, из-за провинности или по капризу диктатора, обеспечивают монолитность и безгласность армейских верхов, а также штаб-офицерства (употребляем этот термин в смысловом плане, так как буквального аналога в Красной армии не существовало). Время от времени острая коса смерти, являющейся в виде дегенератов в синих фуражках, уносит очередную порцию жизней советских «краскомов», но те либо сносят это с покорной тупостью, либо, при наличии более сложно устроенной натуры и обострённого чувства совести, организуют безнадёжные заговоры, либо предлагают внешнему неприятелю в ходе жестокой войны сформировать русские национальные части для борьбы с советской диктатурой. Но худо-бедно, а жертвенность подсоветских людей, помощь западных демократий и безжалостное отношение к подчинённым «маршалов великих его», собравшись воедино, позволяют Советскому Союзу внести решающий вклад в борьбу с Германией на суше.

Но советскому офицерству, чей вклад в победу существенен, не забывают напомнить об отведённом ему месте. По доносу сталинского сына Васи следует «дело авиаторов», могучим пинком отбрасывается в захолустный ОдВО Жуков, возомнивший себя после траления минных полей волнами пехоты народным любимцем и полудержавным властелином, и догадавшийся брякнуть нечто в этом духе иностранным корреспондентам. Смерть Сталина спасает советскую элиту от следующей прополки, но больно лупит восшествием на коммунистический трон некомпетентного в военном деле Никиты Хрущёва, который судьбоносными и оригинальными решениями, вроде разгрома собственных ВВС и ВМФ и попытки замены традиционных министерств марксистскими совнархозами приближает дворцовый переворот с собственным смещением в финале.

Зато с началом эпохи Брежнева военное ведомство переживает подлинный ренессанс: масштабно растут танковые войска, догоняя по количеству и качеству машин капиталистический Запад, по сути, заново создаётся океанский военно-морской флот.

Когда-то этот сложнейший инструмент имперской политики, поставивший на колени турецкую торговлю и державший на дистанции знаменитой центральной артиллерийской позиции германцев на Балтике, был начисто разгромлен бандой большевиков; в крупнейших военно-морских базах озверевшие матросики устраивают собственным офицерам «Еремеевскую ночь», а на Чёрном море вошедшие в раж большевики к тому же успевают затопить значительную часть флота. За спасение Морских сил Балтийского моря демонстративно убивают адмирала Щастного. Участие советских ВМФ во II мировой представляет нам цепочку удручающих трагедий: Балтфлот после эвакуации из Таллинна оказывается окончательно запертым

в Кронштадте, а Черноморский, не имея равного себе противника, несёт болезненные потери и, наконец, в 1943 году объявляется запрет на вывод в море крупных боевых кораблей. Перечень же уничтоженных неприятельских кораблей по итогам войны оказывается откровенно невелик.

Строительство подлинно величественного военного флота начинается лишь в 60-е годы и связано с именем адмирала Головки. Растёт число подводных лодок, ракетных и противолодочных кораблей, заново создаются десантные силы. Соответственно, умножается количественно и личный состав вместе с основной компонентой регулярных ВС – офицерством.

Флот входит в состав атомной триады, вместе с ракетными войсками стратегического назначения и стратегической авиацией. Если первые являются совершенно новым видом оружия, то авиация является развитием советского паллиатива времён позднего Сталина – раннего Хрущёва на глобальную воздушную мощь США.

Возобновляется наращивание сухопутных войск, причём особое внимание уделено развитию танковых сил со всеми средствами обеспечения и обслуживания. Одновременно на вооружении состоят три типа основных боевых танков, причём не номинально, а с массовым производством каждого! Плодятся и размножаются другие образцы техники. Как создание, так и поддержание всего этого добра привлекает огромное количество квалифицированных военнослужащих.

Эпоха «застоя» становится пиком в качественном и количественном развитии вооружённых сил Советского Союза. Именно тогда в своих основных и практически неизменных чертах возникает советская армия, которая попадёт позже в жернова перестройки. Многочисленная, хорошо вооружённая, нацеленная, в основном, на западноевропейский театр военных действий (вместе с союзниками по ОВД).

Накрепко привязанная к коммунистической партии, «мозгу и совести» несчастного оболваненного советского офицерства, армия инертна и судорожно пытается уловить и, главное, распознать сигналы, идущие от перестраивающейся на марше партии, меняющей свою конфигурацию во имя дальнейшего господства над расползающейся страной. Военных же без дальнего стратегического замысла и без осознания перед ними моральной и юридической ответственности и опеки периодически направляют на подавление кровавых беспорядков, совершаемых национал-радикалами республик разваливающегося Союза. Направляют будто только затем, чтобы понести жертвы и унижительно «подставить» их и ошельмовать устами местных князьков.

Нечуткость и государственный нигилизм части интеллигенции и беспредельный цинизм «реформирующихся» коммунистов и комсомольцев, назвавшихся демократами, чувствительно отзываются

на армии. Деструктивная интеллигенция пытается опорочить и дискредитировать основы существования армии, военного быта, договаривается до вульгарного пацифизма и призывов к одностороннему разоружению. Реформаторы же упускают армию из поля зрения, и её проблемы и текущие беды остаются без разрешения. Тем не менее, двумя жирными чертами приходится подчёркивать указание на сугубо советское воспитание офицерского корпуса. Оно изначально было подвержено сильному идеологическому давлению, ещё более всепроникающему, чем при товарище Сталине. Если до начала советско-германской войны большинство «командиров» были беспартийными, то в хрущёвские и «застойные» годы, членство в коммунистической партии становится обязательным условием получения чина и продвижения по службе. Политзанятия, «ленинские уголки» и ведомство Епишева способствуют созданию «классово-однородной» массы, насыщенной мертворождённой идеологией. Марксистским ядом проникнуты все сферы жизни, но особо разрушительному воздействию подвергается историческая наука. События мировой истории, в том числе и военной, рассматриваются исключительно в искажающем свете коммунистической идеологии. Достаточно упомянуть о понятии «история СССР», под которой подразумевалась история с древнейших времён народов, на землях которых в двадцатом столетии возникло это псевдогосударственное образование. Сквозь мутное и сознательно искажающее истину стекло пропаганды представляется и вся история России, при этом авторам, желающим рассказать о славных событиях прошлого, непременно приходится прибегать к обязательным казённым реверансам и уступкам. Ситуация меняется с естественным вымиранием старых маразматиков сусловых, андроповых и черненко. К началу небывалой в СССР эпохи гласности и относительного плюрализма начинается осмысливание и переосознание исторического пути страны, и офицерский корпус эта естественная тенденция не обходит стороной. Возникает нешуточная надежда, что офицерству будут близки светлые образы защитников России периода Великой смуты, самоотверженно оборонявшие начала государственности и бытия России, её политической и экономической свободы. Новый поток правды (мемуаристка, исторические описания и хроники для наиболее интеллектуально развитых, упрощённо-романтизированные образы для основной массы) действительно делает благое дело. Намечается прекрасный шанс отринуть крас-

Чтобы вообразить себе бывших партократов, совершающих подобие Ледяного похода и поднимающих своим примером людей на борьбу с «антинародным режимом», нужно иметь совершенно буйное воображение и безграничный полёт фантазии.

ные пути и вернуться к нормальной, естественной и благородной традиции ратного служения России. Но равнодушие и неприязнь разрушителей-«демократов», отсутствие намерения на высшем уровне провести десоветизацию и идеологическую перекодировку армейской элиты неизбежно толкает растерявшихся военных в коварные силки, расставленные арьергардным отрядом умирающей Совдепии – национал-большевиками.

Спецслужбы Совдепии имели ещё менее общего с таковыми в исторической России, чем армия и флот. Вернее, не имели вовсе: с самого начала организованная советами Всероссийская чрезвычайная комиссия жестоко расправлялась с офицерством и чиновничеством старой России, и к этой «работе» «бывших» специалистов не привлекали. Наоборот, кадры жандармерии, полиции, Охранного отделения и армейской контрразведки были объявлены злейшими врагами нового государственного образования. ЧК-ОГПУ-НКВД являлись одновременно тайной полицией и карательной организацией коммунисти-

ческого режима, подавлявшей нелояльные настроения внутри страны и борющейся с активной частью военной эмиграции. Внутрипартийные распри болезненно отражались и на самом «боевом отряде», личный состав которого, по мере использования в ходе антинационального террора, регулярно обновлялся, а «старые бойцы невидимого фронта борьбы пролетариата с буржуазией» отправлялись «на корм рыбам». Начиная с Генриха Ягоды, ни один из руководителей тайной полиции не заканчивал жизнь естественным образом на протяжении почти двух десятков лет.

В годы II мировой НКВД, а чуть позднее МГБ организовывали и осуществляли диверсионно-террористическую деятельность на оккупированной войсками стран Оси территории, привычно «карали» подсоветское население и боролись с национальными повстанцами на аннексированных землях. В послевоенные годы «органы» усиливаются, несмотря на показательный погром, устроенный им «триумvirатом» после кончины Джугашвили. В их ведении находится как надзор за населением СССР, так и разведывательная и подрывная деятельность в капиталистических странах, а опосредованно – и влияние на «лагерь народной демократии» в сотрудничестве с государственными разведывательно-репрессивными органами этих стран.

По роду своей деятельности специальные службы государства занимаются проблемами самого вы-

сокого уровня, имеют доступ к явным и тайным механизмам внутренней и внешней политики и работают со значительным объёмом ценной и сложной информации. Сам род деятельности способствует значительному расширению кругозора и большему влиянию на события, нежели военное ведомство (и тем более МВД). В отличие от армейской среды, интеллектуальный уровень которой коммунистической партией намеренно снижался, во избежание какой бы то ни было самостоятельности, КГБ оставался тем органом государственного аппарата, который был в состоянии критически оценивать ситуацию в стране и сознательно воспринимать и даже генерировать некие общественные идеи.

С распадом Союза спецслужбы теряют значительный процент своего влияния на внутривнутриполитическое положение страны и стремительно растрачивают навыки контрразведывательной работы. Естественно, собственные неудачи и временное ограничение функций провоцируют реваншистские настроения в среде их сотрудников, теперь уже без стеснения и вызывающе именующих себя «чекистами». Избрание вторым Президентом России полковника ФСБ подогревает их надежды и амбиции.

Тут мы подходим к центральному вопросу: возможен ли в нашей стране переворот сил просоветского реванша, включающих в себя часть начальствующего состава армии и спецслужб при идеологическом окормлении национал-большевиков? Ответ будет таким: скорее нет, чем да. Постараемся его обосновать.

Но, прежде всего, предложим читателям улыбнуться над версией силового противостояния. При полной инертности и интеллектуальной лениности сохраняющей и культивирующей советские идеологемы части современного офицерства и чиновничества говорить о какой-либо готовности к борьбе просто смешно. Её уровень – злобствование на страницах прессы и Интернета, хулиганские выходы да намёки на покровителей «на самом верху». Фигурально выражаясь, представить «евразийца», разглагольствующего об азиатской природе России, «срединных землях Европы» и войнах с Западом, можно легко. Вкупе с ругнёй, угрозами и проявлениями агрессии. Но трудно представить того же немытого сибарита, самоотверженно вступающего в драку с ОМОНОм или лезущего под кинжальный огонь украинских и латвийских пулемётов. А для того, чтобы вообразить себе бывших партократов, совершающих подобие Ледяного похода и поднимающих своим примером людей на борьбу с «антинародным режимом», нужно иметь совершенно буйное воображение и безграничный полёт фантазии. Даже в единственном случае вооружённого противостояния (октябрь 93-го в Москве) коммунистические офицеры-отставники, имея гораздо больший ресурс, нежели сегодня, оказались неспособными ни на что, кроме как пожертвовать жизнями доверившихся им рядовых участников событий и уличных наблюдателей.

На самом же деле, советская власть никуда реально не исчезла ни с момента запрета КПСС, ни с распадом СССР. Новая российская, а также власть многих стран СНГ является преемственной по отношению к общесоюзной. Как физически, так и идеологически. Об отказе от целенаправленной десоветизации уже говорилось; её «удачно» дополняют нежелание признать преступность коммунистической диктатуры и осудить её, зацикленность на «достижениях» и «победах» советского периода. Отказ от самой вульгарной коммунистической фразеологии вызван, с одной стороны, необходимостью учитывать изменившиеся обстоятельства, с другой, является – тактической уловкой, позволяющей отрицать факт прямого родства.

При таких условиях какое-либо насильственное изменение формы правления маловероятно. Идеологические штампы и установки, используемые и действующей властью, и большевиками-«государственниками», практически идентичны. Отличаются они разной степенью радикальности (или умеренности). Контингент населения, на который они ориентированы, по большому счёту, одинаков, но склоняется именно в пользу «умеренного», «стабильного» варианта советизма (условно говоря, брежневского образца), чем кровожадно-сталинистского. Даже при приятии агрессивной риторики настроение лояльного власти населения представляется именно таким. Привитый же за подсоветские годы инстинкт послушания и одобрения любых властных действий, хорошо прижившийся у обезличенных «масс», опять-таки ставит их на сторону правящего ныне режима.

Низкий интеллектуальный уровень и отсутствие монолитной идеологии ещё более снижают шансы переворотчиков на успех. Причины этого явления уже назывались в кратком обзоре, теперь же остаётся подметить, что и в период наименьшего благоприятствования философским тенденциям (первая половина 90-х) привлечательной и опасной для власти идеи и формы сопротивления выработано так и не было. То, что мы можем наблюдать сейчас – это расцвет национал-большевицкой идеологии и деятельности, в определённых рамках искусственно и изобильно подпитываемой самим режимом (в силу собственных догм видящих в н.-б. охранительную силу перед лицом Запада и навязчивого призрака неосуществимой «оранжевой революции»).

Реальную опасность для России представляет более массированное привлечение правящим классом к оговорённой деятельности адептов советизма. Это на самом деле может произойти в случае ухудшения международного положения страны, и локальную вспышку можно было наблюдать во время конфликта с Грузией. Но это будет означать «покрашение» и «полевение» самой власти вместе с окончательным отказом от демократического декорума. Пока же режим к этому не готов и, будем надеяться, так и не подготовится.

Татьяна Трибрат

Уважаемые сотрудники Администрации Президента!

На побережье Черного моря в Геленджикском районе возле поселка Прасковеевка вот уже несколько лет ведется стройка. Как удалось выяснить

Строительство забора в Прасковеевке

из неофициальных источников, строится резиденция правительства, в которую входит несколько современных построек, вертолетная площадка и другие сопутствующие хозяйственные объекты (в народе называемые «дачей В. Путина»). Место,

Туннель к даче

выбранное под строительство характерно тем, что это один из немногих нетронутых уголков прибрежной дикой природы, не освоенный хозяйственной деятельностью человека, куда даже не было подведена дорога. Масштаб стройки поражает, в от-

личие от небольших поселков, где не всегда есть даже асфальтовое покрытие, к строящемуся объекту прорубили современную дорогу в чаще урочища пицундской сосны в горах, частично дорога проходит в туннелях. Такой же туннель соединяет резиденцию с берегом моря. Визуально она расположена около 1000 метров от моря. К строящемуся объекту так же прокладывается высоковольтная линия самого современного поколения. Уверены, что в непростое для страны и мира время, когда кризис ухудшил состояние экономики страны, строитель-

Строительство туннеля

ство такого дорогостоящего объекта на средства налогоплательщиков должно быть гласным и открытым. Нигде ни в местной, ни в республиканской прессе не было упомянуто об этой стройке. Тревожит и тот факт, что на пляже поселка Прасковеевка возводится забор, закрывающий проход по берегу моря до Красной щели, где так же началось строи-

Утреннее море

* Татьяна Григорьевна Трибрат – директор новороссийской общественной организации «Центр экологического образования» АКВА, член Бюро фракции «Зеленая Россия» партии «Яблоко».

тельство ограды. Одна резиденция в нарушение Водного кодекса РФ закрывает доступ к берегу Черного моря на территории около 7 километров.

Об этой стройке мало известно в России, в отличие от другого объекта, наделавшего много шума в экологической среде и СМИ. В районе Большого Утриша собираются строить еще одну резиденцию правительства, которую в народе прозвали «дачей Д. Медведева». Пока экологам удавалось противостоять натиску строительных организаций, пытавшихся построить дорогу к площадке под строительство объектов. Но земли уже оформлены в долгосрочную аренду.

С точки зрения экологии понятно, что, как и всякая стройка, да еще такая масштабная, природе нанесен огромный урон, но еще больше поражает цинизм таких трат бюджетных средств во времена экономического кризиса и бесконечных разговоров о социальной ответственности бизнеса. А разве социальной ответственности от власти не требуется?

Вот мы и требуем предать гласности и обосновать необходимость этих двух строек, их стоимость и законность закрытия доступа к береговой линии Черного моря для граждан России.

Ежи Бар, Хероним Граля

4 июня 1989 — экзамен, сданный на «отлично»

ДВАДЦАТИЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА СВОБОДНЫХ ВЫБОРОВ В ПОЛЬШЕ

Не дата, а процесс

Уважаемый г-н Посол. 4 июня 1989 года — это дата первых свободных выборов не только в Польше, но и вообще в первой коммунистической стране в мире. Поэтому понятно, что их результат оказал огромное влияние не только на Польшу, но и на весь пресловутый «соцлагерь». И все-таки, несмотря на получение оппозицией на выборах почти 100% мандатов, это означало только 1/3 от общего числа мандатов, на остальные же места депутатов фактически выбирала власть, а не народ. Почему же тогда произошло падение режима?

Бар: Понимаете, падение того режима — это не какая-то определенная дата. Падение режима — это целый процесс. Так что если мы здесь говорим про какую-то дату, то только для того, чтобы сконцентрировать в ней весь этот процесс. Для того, чтобы лучше понимать разного рода важные его элементы. Думается, что, говоря об этих выборах, важно упомянуть обо всех тех годах, о которых как вы, так и я — узнаем только из текстов, — книг, статей, — коих, слава Богу, появляется все больше и больше. В 80-ые годы я был эмигрантом и работал в одном из советологических центров в Швейцарии, который занимался, в первую очередь, изучением перестройки в СССР. Все, что мы там видели, мы видели через призму тех перемен, которым в те времена подвергался Советский Союз. Информация, которая доходила до нас тогда, показывала, что система в Польше просто «кончается» на глазах. Независимо от того, каким языком разговаривала тогда пропаганда, никто уже не обращал на нее внимания. И сила системы, которая еще «показала свои зубы» в момент введения военного положения, — стало

видно, что и она тоже уходит. И «зубы» эти все больше и больше слабеют. Хотя, с точки зрения охраны коммунистической системы, методов надзора за жителями — она работала до самого конца. Мы даже иногда с изумлением вспоминаем о том, что спецслужбы работали до самых последних дней, и даже после, в то время, как система, можно сказать — уже умерла.

Когда мы рассматриваем выборы с позиций сегодняшнего дня, то всегда стараемся привязать их к какой-то определенной точке, началу. В то же время, в противоположность другим странам, где эти события носили вызывающий характер (я уже не говорю о Румынии, а хотя бы о тех моментах, которые можно было видеть собственными глазами, и которые потом запомнились на всю жизнь — подобно падению Берлинской стены), такой момент в Польше, где во время выборов народ проголосовал за одну какую-то треть голосов — не воспринимается, как какой-то исторический. Ведь и после выборов осталось еще много нерешенных вопросов. Но в то же время мы хотим, чтобы эта дата, — 4 июня 1989 года, — приобрела такое же значение, как и 11 ноября 1918 года, потому что каждому народу нужен какой-то, в хорошем смысле этого слова, миф об эпохе. И этот миф в современной, новейшей Польше — связан с этой датой.

И еще нужно иметь в виду, — за год, полтора до выборов ощущалось, что все уже очень устало — как система, так и общество. А выборы — это возможность, это окошко возможности свободы, которое раскрылось на одну треть и стало моментом мобилизации, хотя, может, и не везде, и об этом тоже надо говорить. Много людей так и не чувствовало, не знало, что происходит что-то важное. Но, с другой стороны, в больших городах вздыбилась волна колоссального народного подъема, каким были отмечены самые блестящие страницы из жизни «Солидарности». Народ на выборах, вне зависимости от всего остального, увидел, что смог выиграть. Мы

* С Чрезвычайным и Полномочным Послом Польской Республики г-ном Ежи Баром и Директором Польского Культурного Центра г-ном Херонимом Гралей беседует Сергей Верёвкин.

08/2009

научились бороться и, несмотря на то, что наши плакаты постоянно срывали, в последнюю ночь перед выборами бросили на это такую силу, – даже мальчишек и молодежи, – что они смогли заклеить за ночь весь город плакатами «Солидарности». Даже Краков – нереволюционный город, и то, в день выборов вошел весь бело-красным, и оказалось, что у противника нет сил и времени на то, чтобы еще раз все эти плакаты снять. И люди шли на выборы такой «тропинкой свободы» между этих плакатов. И это тоже помогло.

Фабула с неизвестным финалом

Переговоры властей с «Солидарностью», начавшиеся в январе 1989 года – были капитуляцией с целью выторговать себе как можно более почетных условий, или же один из этапов борьбы, может быть, даже и не решающий?

Бар: На этот вопрос могут ответить по-разному те, кто принимал в них участие и те, кто смотрел на это со стороны. Моя личная точка зрения – каждая из сторон, чувствуя важность значения этой встречи, села за стол переговоров, еще не имея окончательного представления, куда же все это заведет, в конце концов. Если бы коммунисты знали, что для них это своего рода «последняя вечеря», они бы вообще не сели за стол переговоров. Сейчас все чаще пишут, что главной идеей у коммунистов тогда было – любыми способами продлить жизнь этой системы. Ведь опыта отдавать власть – у них еще не было. Тем более в мирных условиях. Когда коммунисты частично получили власть в Италии после 1945-го года, они были включены в демократическую систему, которая на следующих выборах их просто полностью заменила. А здесь было ясно – как сказал один из их вожаков, кажется, Гомулка: «Власть, которая была дана однажды – они никогда не отдадут!»

Так что результат выборов это чрезвычайно интересное начало, оценка которого до сих пор еще не завершена. Все, что произошло потом, без сомнения, прочно отправлял коммунистов в прошлое, хотя, это и не было делом одного дня. Важно видеть в выборах «гонг будущего», значение которого было чрезвычайным. Это тем более важно, что, как и вся деятельность «Солидарности» это произошло без крови, без жертв. А если были жертвы, то о них мы только сегодня узнаем из документов, которые были не уничтожены, но глубоко запрятаны и постепенно становятся известны лишь сегодня.

Но о логике этого процесса пусть лучше говорят историки, и я рад тому, что сегодня среди нас находится – пан Хероним Граля. Мы профессионально занимаемся Польшей, а он профессионально занимается историей Польши.

Граля: Постараюсь выстроить ответ на ваш вопрос в определенной хронологической плоскости. Конечно, как сказал г-н Посол, никто, если его не заставить, добровольно власть не отдает. Еще памятна полякам фраза генерала Ярузельского, про-

звучавшая с телеэкрана: «социализм будем защищать, как независимость». Однако правительство во второй половине восьмидесятых пыталось как-то реформировать экономику, по-марксистски полагая, что все проблемы имеют экономические причины. Но уже в 1987 году наблюдался такой провал в экономике, что осенью 87-го года власти были вынуждены провести референдум насчет второго этапа экономической реформы. Как это бывало с референдумами в Польше – подретушировали итоги его очень сильно. Тем не менее, уже в феврале 1988 года правительству снова пришлось повышать расценки на продукты, и это стало самым большим повышением цен с 82-го года. Налицо был полный провал реформы и демонстрация абсолютной несостоятельности правительства. И сразу же с апреля началась первая волна таких забастовок, каких не было с восьмидесят первого года. Власть пыталась все это как-то потушить – сначала силой – аресты активистов «Солидарности Борющейся», Моравецкого и т.д.

Последовало участие Костела, с неравными силами, потом вторая волна – летняя, когда начинают бастовать уже большие комбинаты – это «логово пролетариата». Конца этому не видно, экономика разваливается еще больше. В итоге «прагматическое», как теперь говорят, крыло правительства и Политбюро, пользуясь авторитетом и посредничеством Церкви, решает вступить в переговоры. Не случайно министр внутренних дел начинает их с оппозиции, выходя на Валенсу и других. Это известные переговоры в Магдаленке, которые, правда, начались в Варшаве, на улице Заворот. Вокруг них ходит масса легенд, хотя в них принимало участие довольно много людей. Теперь, кстати, они находятся в разных политических лагерях.

В основном переговоры сводятся к следующему: «господа, вы нам помогите потушить страйки, и мы серьезно приступим к переговорам на тему возможности вашего участия в правительстве». Судя по всему, ни та, ни другая сторона даже не представляли полностью, к чему все идет. От тюрьмы и палки – до участия во власти – дорога длинная. То же самое, что от полностью авторитарного владения страной до решения о том, что немалую часть этой власти придется отдать.

Параллельно развивается довольно важное, внешнее явление, под названием «перестройка». Парадоксально, но, когда Горбачев приезжает в Польшу, обе стороны возлагают на его приезд надежды: Оппозиция рассчитывает, что он даст зеленый свет для перестройки в Польше, и, когда он уедет, все будет уже по-другому, часть лагеря власти надеялась, что он в традиционном стиле генсеков скажет оппозиции и всему обществу: «господа – нельзя!».

А он, как вспоминает Шеварднадзе, сказал тогда, что-то вроде: «ребята, решайте сами, что вам делать и как поступать».

И так же вспоминал об этом покойный премьер Раковский. Вот и сложилось впечатление, что надо самим решаться на что-то.

С другой стороны, оппозиция понимает, что если «таможня и говорит «добро», то все-таки все конкретные вопросы будут решаться здесь, в Польше.

В окружающих странах тоже начинается какая-то эрозия партийного руководства – венгры «играют» на Якоша, появляется имя Фогеля, и так далее, в общем – что-то происходит.

Ярузельский, который для большей части поляков является чуть ли не славянским воплощением Пиночета, благодаря очкам и чему-то еще, для части партийного «бетона» Политбюро, которых не успел убрать, является как раз одиозной фигурой, которая не пользуется полностью всем инструментарием власти. Начинается процесс, если и не борьбы всех против всех, но поисков выхода с возможностью разных решений – от самых мирных и до самых жестоких. Да, да – в этом надо давать себе отчет. В конце концов, не случайно, когда был вынесен на Политбюро вопрос – быть переговорам или нет, Ярузельский должен был положить на весы весь свой авторитет, авторитет министра обороны, министра внутренних дел и всего своего окружения. Он должен был получить от Политбюро вотум доверия. И вопрос он поставил так: «Или танки – или переговоры – иначе не получится!» Ярузельский на это решился и это сделал, и в этом также надо отдавать себе отчет.

Возвращаясь к сценарию, – в январе начинаются переговоры по инициативе генерала Кищака, и становится ясно – власти идут на большие переговоры с представительной делегацией оппозиции. Вырисовывается идея «Круглого стола». Ценой этого стало то, что такие люди, как Валенса ездят по Польше – тушат страйки и обещают, что будет облегчение.

Теперь – «Круглый стол». Вы спросили про выборы, и спросили, почему власть, имея все квоты, согласилась...

В вашем расчете не хватает одного момента. Того, например, что одним из решений «Круглого стола» было возвращение института президента. Президента выбирает Национальное Собрание – депутаты Сейма и Верхняя палата Сената. Из 100 мандатов Сената 99 после выборов было в руках «Солидарности». Плюс 161 депутат от «Солидарности» в Сейме – это уже у нас 260. Да, 60% было правительственных, но эти 60% были для партий правительственной коалиции – ПОРП, Аграрная партия и Демократическая. И пять христианских организаций, которые неизвестно, как себя поведут, – а это 15 мандатов. Дальше – провалился центральный цековский список. Когда власть решилась на второй тур выборов, чтобы он прошел в другом порядке, все-таки было ясно, чтобы не вызвать массового протеста, нужно было считаться с тем, что в Сейме будет совершенно другой. Дальше –

60% партийных голосов вместе с цековским списком – это все-таки не однородная компания. Помимо больших распрей в Политбюро относительно того, отдавать власть или нет, существуют большие проблемы на местах, в разных парторганизациях. В конце концов, партия 1988–1989 годов – это не партия 1979 года. Ведь на 10 миллионов членов «Солидарности» приходилось несколько миллионов членов ПОРП. К тому же в партии созревает голос молодого поколения, которое заявляет о том, что ПОРП надо реформировать. Появляется так называемая «платформа 8 июля», лидеры которой потом пошли по пути социал-демократии. Неизвестно, как они себя поведут в Сейме. Получается, если считать, – и это прекрасно показал сценарий выборов Ярузельского в президенты, – что все может решить чуть ли не один голос. Начинается арифметика, как в демократических условиях. И эта арифметика – блестящая победа «Солидарности» в борьбе за 35 % мандатов, плюс разгром противников на выборах в Сенат – дают такую силу, что дальше уже никак.

В свою очередь, этот центральный 65% партийный список тоже неоднороден, потому что здесь все-таки не одна партия, а еще и ее союзники. И есть деятели, которые войдут в правительство Мазовецкого. Они станут первыми, кто бросит коалицию, и тогда уже появится абсолютное большинство, которое нужно, чтобы сформировать правительство.

Так что все вместе привело к регуляции итогов выборов неожиданно для всех с помощью элементарных парламентских демократических механизмов. Где, как известно, арифметика решает очень многое. Господин Посол хорошо помнит реакцию общественности, даже зарубежных журналистов, на текст Адама Михника в «Газете Выборча»: «Ваш президент – наш премьер!» Я помню абсолютную противоречивую реакцию поляков, причем из правящих кругов «Солидарности», немалая часть из которых стучала пальцем по голове. Я помню реакцию молодых экономистов из круга Бальцеровича, которые говорили, что вообще-то – кто-то сдурел. Мы, может, и держим в «ящике» какие-то проекты, но мы не подготовлены к тому, чтобы брать власть.

Так что и те, и другие созревали для этого не сразу.

Причем партийная верхушка хотела еще элементарно подстраховаться, потому что находилась «между Сциллой и Харибдой». Почему – да потому что любой силовой сценарий в Польше непредсказуем. И кто им пообещает, что они останутся у власти? А если придет к власти «бетон» Политбюро? Тем более, что борьба за последние 10 лет в Польше коснулась партийного истеблишмента даже физически. Ведь Ярузельский, когда изолировал верхушку «Солидарности», посадил и часть бывшего Политбюро Герека, и даже часть Политбюро Гомулки. И не зря это сделал. Так что было ясно, что могут быть разные сценарии.

Те стороны, что сели за «Круглый стол», все-таки нашли общий интерес в усмирении всех беспоконств, просто во имя Родины. Ведь и партийцы – тоже поляки. И если для патриотов это национальный диалог, то для партии это еще и шанс остаться у власти – хотя бы частично. Не надо также забывать о том, что в новом правительстве, где при Мазовецком ПОРП была отведена роль почти оппозиции, ключевые силовые ресурсы остались в руках партийных министров. Так что это была тоже еще не до конца завершенная структура. Но она заставила вести диалог, и диалог этот пошел.

По сути дела, диалог шел до тех пор, пока не превратился на фоне полного распада партийной делегации ПОРП в Сейме. Надо помнить об этом, когда вокруг говорят о том, что распалась «Солидарность», Гражданский комитет рассыпался и прочее. Но никто не помнит, что во время Первого заседания первого созыва Сейма похоронили ПОРП – на ее месте возникли несколько структур. Причем, в разной степени связанных с людьми из «Солидарности». Недаром, когда хоронили «покойницу ПОРП», и одним из кандидатов на первый пост был Тадеуш Фишбах, бывший первый секретарь в Гданьске, внезапно с заявлением в его поддержку выступил Валенса. О том, что Фишбах честный человек, и партия во главе с Фишбахом будет партийной с человеческим лицом. Так что разрушение партийного лагеря пошло быстрее, чем думало руководство «Солидарности». Оно всегда преувеличивало сплоченность рядов ПОРП, считая, что перед ними сплошной монолит, в котором только изредка встречаются порядочные люди. Но осознание этой разнородности пришло потом. Это было видно, когда руководители «Солидарности» меняли свое мнение о Квасьневском.

Так что начинается процесс не с Магдаленки, не из предложений «Солидарности». В отличие от других стран в Польше вообще каждые 10 лет происходил какой-то исторический пароксизм. И пароксизм 1989 года заканчивается сформированием правительства и выходом на полную свободу.

Странная страна со странным народом

Забастовка 14 августа 1980 г. На Гданьской верфи имени Ленина из-за увольнения Анны Валентович и Леха Валенсы, после чего создается Гданьский Межзаводской забастовочный Комитет, объединивший представителей более 700 предприятий, и составляются списки из 21 требования, большей частью политического – это фактическое начало «Солидарности»? Или всего лишь «верхушка айсберга», на который, подобно «Титанику», напоролась коммунистическая власть ПНР?

Гряля: Когда я говорил об определенной хронологичности в истории Польши, я как раз имел в виду и это. Польша – странная страна со странным народом. 120 лет без независимости, это 120 лет постоянной борьбы, чтобы заполучить ее обратно. 20

лет государственности, которую задушили. 5 лет ожидания, чтобы ее восстановили, как победителю в войне. Потом эпизод, о котором Сергей Ковалев сказал, что «Красная Армия нас освободила, но не принесла нам свободу». И выборы 46-го года.

Когда г-н Посол напомнил нам о том, как в одну ночь мальчишки заклеили весь город листовками, это говорил гражданин города, в котором был самый страшный избирательный скандал. Один из добродушных краковских бюргеров, честных людей, которые привыкли к демократии, понял, что как-то не учли его голос. И пошел сражаться за этот голос. А бедная власть пыталась ему доказать, что все было в порядке. И внезапно выяснилось по документам, что власть, которая доказывает, что этот один-единственный голос не пропал – проиграла все выборы с треском, и не только в городе, но и вообще все выборы.

Я как-то недавно говорил своим коллегам из разных стран. У венгров есть свой национальный миф – 56-й год. У чехов – свой национальный миф – 68-й. А у нас же – «континиум» – 46-й, 56-й, 68-й, 70-й, 76-й, 80-й, 81-й, 88-й, 89-й годы – череда, продолжение того, что нам казалось, состоялось в 18-м году.

Мало того, наступает очень важный момент. Я не так давно показывал нашим коллегам в Центре Сахарова документальный фильм Кесьлевского. Он снял его в 1971 году и власть его, конечно же, не пустила. Пародируя известное выступление Гереча: «Помогите, и народ откликнулся – поможем», он снял фильм «Рабочие-71». В этом фильме показан польский рабочий класс. Наши друзья из Центра Сахарова по реакции польских рабочих 1971-го года, если что-то и запомнили, так это то, что польский пролетариат сильно отличался от всех других представителей этого класса. И больше напоминал инсургентов, чем пролетариат.

Хотя вообще-то он в 1971-м верил, что с властью можно вести диалог, и оставаться при этом независимым. Я смотрел фильм с удовольствием, поскольку там есть сцены выборов делегатов на общепартийную конференцию или партсъезд. И простой рабочий, проигрывая тремя голосами парторгу, говорит ему: «А покажите нам статью из конституции, где говорится, что власти дозволяется стрелять в нас. Ведь в нашем государстве мы суверенны».

Понимаете, у нас тогда рабочий класс созрел. В 1968-м он пришел с дубинками поддерживать власть и дубасить студентов под лозунгами «сионистов в Сиам!». А в 1970-м рабочих студенты не поддерживали, интеллектуалы не поддержали, поскольку все помнили эти дубинки. И поэтому 76-й год стал таким недооцененным моментом, тогда все разочаровались в том, что политика Гереча «открытия дверей на Запад» терпит провал. Начинаются забастовки – Радом и прочие. И власть жестоко подавляет эти забастовки. И вот тогда защищают рабочих интеллектуалы, тогда приходят на помощь студенты.

И этот момент определяет все.

Потом, через четыре года, когда встанет судоверфь, на каждом из этих 700 предприятий появится, как минимум, один интеллеktуал.

Бар: Прослеживается такая интересная логическая цепочка. У народа – общий интерес. Но власти удается разделить людей. И наступает момент, когда одни из этих разделенных могут над другими посмеяться. Это – один момент истории: рабочие «посмеялись» в 1968-м над студентами. А потом наступает другой момент, когда уже студенты в 1970-м не помогли рабочим. И только после горького опыта борьбы в одиночку без помощи, уже в «третьем подходе», они пришли к выводу, что без единства никогда не удастся сместить эту систему, которая имеет столь ужасающие характеристики. Поэтому я абсолютно согласен с тем, что мы недооцениваем 1976-го года, когда обе силы, наконец, объединились, и дали начало совместным действиям. Что и привело в конечном итоге финалу, который мы имели несколькими годами позже. К единству, которое действительно было необходимо. Так что, когда пришла «Солидарность», эта система, это единство было уже зрелым. Эта система уже знала, как вести себя, у нее были все рычаги в руках. Противостоять коммунистической системе подавления народа можно было именно такой зрелой и организованной системе, с которой надо было считаться. И «Солидарность» сумела противопоставить себя системе власти.

Граля: Этой же цели объяснения народу таких истин и служило искусство. Чему посвящен был фильм «Человек из мрамора»? В нем показывалось, что в одиночку человек не сможет бороться с системой. И он будет подчиняться манипуляциям власти. Там сын-студент говорит рабочему-отцу: «Отец – вы нас не поддержали». А потом отец гибнет от пули в 1970-м году на побережье. Это был фильм предсказание, и он должен был воспитать общество.

Элементы Подпольного Государства

Я в те времена жил в Польше, и могу засвидетельствовать из моего общения с поляками, что «Солидарность» не только активно действовала в подполье, но ее структуры буквально дублировали все госструктуры. Доходило до смешного, когда директор завода, к примеру, получив указание от местных городских или воеводских властей, сначала спешил «посоветоваться» с заводским руководителем «Солидарности». Причем этого руководителя все на заводе знали в лицо, и знали, что он на самом деле. Тем не менее, он спокойно работал, не прячась от милиции, которая его и не трогала. И только получив от него санкцию, директор завода начинал выполнять указание. Не является ли это проявлением существования своего рода ППП, аналогично действовавшему в стране в 1939–1945 гг., и в более ранние периоды польской истории в XIX-м веке?

Бар: Легче всего мне было бы ответить на Ваш вопрос положительно. Но я не осмелился бы это сравнивать, независимо от внешнего сходства: подпольное государство было государством против внешнего врага. А здесь они все-таки потом сели за один стол переговоров. Я не могу себе представить, чтобы кто-то из поляков во II мировой войне смог сесть за один стол с немцами, и договариваться с ними о будущем совместном управлении страной. Для них была только пуля, предназначенная врагу.

Здесь надо иметь в виду то, что страна была все последние годы экономически и политически больной. Все об этом знали – это не было тайной. Вы привели хороший пример. Ведь этот директор знал все обстоятельства, и знал, что он может конкретно себе позволить на этом заводе. Так что человек из «Солидарности» для директора был партнером, и ему было выгодно ту проблему, которую ему спустила власть, решать именно вместе с этим партнером. И посоветоваться с людьми, которые и будут непосредственно выполнять заданную им властью работу.

А, кроме того, и это мое личное мнение, все подсознательно чувствовали несправедливость момента, когда процесс реформ прервался после введения военного положения. Это был какой-то грех чужой, но в своей стране, и нашими руками.

Все ведь были нормальные люди – я не имею в виду представителей силовых структур. Они искали друг друга, чтобы как-то объединиться, все-таки граждане одной страны. И эти же самые люди, два-три года назад не имевшие сил помочь «Солидарности», теперь все-таки нашли в себе эти силы. И появилась новая энергетика общества. Государство экономически умирало, и все думали, как из этого выйти.

Все, что происходило в Польше, напоминало лодку, которая плыла по все более поднимающейся воде. Тогда, будучи в Швейцарии, я мог видеть, как буквально каждый день приносили новые и новые удивительные факты, сразу становящиеся вехами новейшей истории всей Европы. Я занимался тогда балтийскими странами, и видел все эти события – «Саюдис» и другие. Видел, как из самых разных вопросов и тем, например, вопросов экологии, протестов против строительства Рижского метро, возникали социально-политические движения.

Без сомнения, это была эпоха исключительная, которую надо изучать еще очень долго.

Граля: Я, конечно, согласен с г-ном Послом, что вопрос Польского Подпольного Государства, учитывая значение этого понятия для польского народа, не до конца соответствует рангу событий. Хотя тогда звучали слова о том, что правительство пошло на войну со своим народом, в связи с чем оно и воспринималось, как враг. Но дело не в этом, а немножко в другом. Я думаю, что определенные элементы, традиции самоорганизации общества, организации сопротивления и прочего, что уходило своими корнями в Подпольное Государство – имели место.

Начнем с культуры и науки: «летучий университет», очень большая издательская работа – самиздат и прочее. Есть масса наименований прессы (газет, журналов – С.В.). Есть, кстати, подпольные почтовые марки, которые народ покупает, чтобы содержать «Солидарность». Есть добровольные взносы членов «Солидарности», т.е. – подпольное казначейство. Есть подпольный, как я бы его назвал – «Суд чести», где оцениваются действия актеров, писателей, прочих – определенным подпольным трибуналом. Есть вопрос решений, которые выносятся подпольными структурами, например, бойкот кино или бойкот театра, или, например, решение о том, что не надо выступать на режимных предприятиях. Есть подпольное радио. Доходит до прямых включений подпольного телевидения в государственную сеть вещания. Конечно, нельзя говорить об альтернативном управлении или об альтернативной программе – все-таки, «Солидарность» – это большая масса, и разные сценарии возможны. Но, тем не менее, «осколки» какого-то будущего процесса, – видны. Например, экономисты Бальцеровича создают часть проекта будущей реформы польской экономики. Так что какие-то элементы напоминает деятельность польского подполья и второй половины XIX-го века, и войны 1939–1945 гг. Тем более что народ, вообще любит историю, любит какие-то символы, возможность ссылаться на историю, даже если явления по своему масштабу не дотягивают до исторических примеров. Так и здесь, есть какие-то элементы.

Поведение армии

Господин Посол упоминал о введении военного положения. Я в то время был заместителем начальника правительственного аэропорта Внуково, и отлично помню день. Тогда у нас без предварительного плана произошел, как у нас называлось – «Литер «А» – прилет на высшем уровне. Прилетел военный самолет АН-24 с польскими опознавательными знаками на хвосте и фюзеляже. Одинок простоял почти сутки на перроне Внуково-2 и также, без какого-либо предварительного уведомления улетел, без почестей. Нам ничего не говорили, а руководство аэропорта о таких вещах обычно заранее предупреждают. Наутро мир узнал о введении в ПНР военного положения. И когда я уже служил в Польше, в армии, командование армии открыто говорило, что тогда Ярузельский прилетал в Москву просить Брежнева не вводить войска Варшавского Договора в Польшу по примеру Чехословакии 68-го года. Аргументируя это тем, как говорили в военных кругах, что он особенно опасался ввода войск ГДР. Что если они введут свои войска в западные районы Польши, то и потом их оттуда уже не выведут. В свете всего сказанного, как Вы рассматриваете роль Ярузельского в те дни, и какую оценку его действиям можете дать?

Граля: Мне меньше повезло, чем Вам и чем господину Послу, поскольку я-то военное положение встретил в качестве офицера польской армии. Я был после университета и аспирантуры согласно польскому закону призван в армию на год. Так что призвали меня, историка из Варшавского университета, 30 апреля 1981 года. До конца августа я находился в «учебке», а потом уже был направлен в военную часть, посты и заставы которой располагались во всей Восточной Польше, вплоть до моста во Влодаве. Где мы в начале декабря смотрели на наших советских товарищей через, честно говоря, стволы танков. Я помню это, поскольку для меня, как для историка, было ясно, что-то зреет! Уж если в политическую часть батальона приходит практически полностью стенограмма совещания руководства «Солидарности» в Радоме – значит, все контролируется и что-то готовится.

И если за несколько дней до введения военного положения все командование дивизии собирается на совещание, это тоже значит – что-то готовится. С другой стороны, были предпосылки иного хода развития событий. Например, я а получил пропуск на отпуск на несколько дней домой, по моей просьбе, потому что именно 13 декабря в Познаньском университете должна была происходить большая конференция славистов. У меня был написан доклад, это был мое первое выступление на международной конференции. И я по наивности не представлял себе, что если мне дают пропуск и отпуск, то они мне ничем не пригодятся. 11-го, уже после совещания командования дивизии, был отпущен домой – недалеко от Люблина. Добрался до Варшавы, отпраздновал чей-то день рождения, а 13-го утром должен был ехать в Познань. 13-го на рассвете дома появилась теща, сказала: «У нас война!», и включила радиоприемник. Там звучал Шопен, а потом повторяли речь генерала Ярузельского. Я в тот момент понял, что никакой конференции не будет, и стал искать возможность добраться в мою военную часть, чтобы не попасть под военный трибунал как дезертир. Ну, как я добирался, это целая эпопея, но 13-го вечером я уже был в части.

И с этой точки зрения, я могу комментировать, как солдат Ярузельского. Есть масса интересных моментов. Во-первых, отношение к союзникам. 15-го мы с облегчением смотрели в бинокли через Буг, как на другой стороне ваши войска отходят. Раньше они находились в пределах видимости бинокля. 15-го подали назад. Могут показывать сотни документов, вошли бы, не вошли – это не имеет значения. Для нас тогда имело значение, что было видно, возможно, войдут. Даже если они просто хотели, чтобы это было видно, но для нас, прошу прощения, танк – не картошка.

А вы стали бы сопротивляться?

Граля: Это очень сложный вопрос. Я косвенно на это отвечаю. Я не знаю, каким был бы приказ руководства, поскольку когда-то один журналист, защищая генерала Ярузельского, написал статью, где

в очень большой работе на эту тему, обратил внимание на интересный сюжет. На восточном направлении на «выходах» из Польши были расставлены в ту ночь противотанковые заграждения. И вроде бы подготовили к бою ДОТы. И все эти противотанковые заграждения, которые были расставлены на шоссе, были направлены не против «Солидарности», которая, конечно, танков не имела. Так что что-то здесь происходило...

Кроме того, в армии тогда бытовала такая летучая фраза, которую я потом в источниках не нашел. Но офицерский состав ее повторял друг другу. Когда было известное совещание начальников штабов Варшавского Договора, особенно ГДР-овские офицеры подчеркивали свою готовность нести «интернационалистическую помощь» Польше. И они все спрашивали Куликова, какой участок для них отведен, и где они должны входить в Польшу. В тот момент не выдержал наш будущий Министр обороны, а тогда начальник штаба генерал Флориан Сивицкий, который сказал: «Заходите, заходите – вас-то уж точно ждем!»

Я не знаю, как было бы на Востоке, но на Западе была бы точно резня. Польский солдат, независимо от руководства, не представляю, чтобы он потерпел вторжение немцев. Конечно, мне можно возразить, что с военной точки зрения изоляция частей Силезского военного округа силами Северной Группы Войск была возможна. Но, надо помнить о том, что все-таки на Западе были сосредоточены лучшие части польской армии, и, одно дело – вхождение немцев, а другое дело – попытка изолировать эти части советскими войсками. Все-таки у меня есть подозрение, что Чехословакия не повторилась бы.

Возможность блокировать в казармах всю армию здесь также вряд ли получилась бы. В конце концов, мы говорим о второй по силе армии Варшавского Договора, с высоким военным профессионализмом, и армии, солдаты которой имели определенные отметки в генетическом коде. Да уж простят меня чешские коллеги, но в 38-м они тоже не стали защищать независимость.

Здесь есть определенная полоса событий – есть воинствующая нация, и есть хозяйственная, я бы сказал, нация, умная такая, прагматическая. В конце концов, у меня иногда появляется такое впечатление, что большинство воинствующих чехов погибло еще на Белой Горе, потому что таких «пароксизмов» было потом не так уж много. Даже Пражское восстание – это эпизод, сложный в оценке, поскольку здесь слова из песни не выкинешь, – значительную роль в восстании сыграла армия Власова. Да и Красная Армия успела тоже помочь.

Я просто психологически не могу себе представить, что творилось бы на Западе и Юго-Западе Польши, если бы там появились колонны «наследников вермахта». Мы прекрасно знаем, что разные стычки и столкновения на совместных маневрах – «Щит» и прочие – всегда имели место. В конце концов, ходили такие слухи о блестящих офицерах, ко-

торые были уволены из армии за то, что они вместо того, чтобы предупредить эти стычки, наоборот – их поддержали. Более того, даже пытались «присоединить» остров Волин к Польше.

И я думаю, что советское руководство как раз считалось с этим, поскольку Хонеккер никогда не находил поддержку своим воинствующим выступлениям и.

Модераторы диалога и архитекторы перемен в Польше

Нельзя не обойти вниманием роль Католической церкви Польши в создании «Солидарности» и во всех последующих событиях в Польше. Не стала ли она остовом, «скелетом», вокруг которого затем, образно говоря, «наросли мясо и мышцы» «Солидарности»?

Гряля: Здесь немножко по-другому. Мы говорим про Подпольное Государство, и надо посмотреть на традицию Польской Церкви. Как сказал один историк – были времена, когда в условиях потери суверенитета нашу Родину выручил Костел. Конечно, авторитет и сила Польской церкви в обществе – огромны. Но они выходят за роль костяка для «Солидарности». Этот самый Костел был замечательным модератором и защищал иногда общество от его стихийных порывов. В конце концов, – были моменты, когда церковным политикам становилось ясно, что взрыв принесет только вред, и тогда они его сдерживали, без посредничества церковной иерархии не было бы ни «Круглого стола», ни выборов.

Здесь роль Церкви замечательна и не подлежит сомнению. Кроме того, как бы это ни было парадоксально, Церковь выбрала себе роль модератора не только потому, что это вписывается в ее миссию. Но и в силу того, что в Польше она была единственной структурой, которой доверяли обе стороны. Понимаете, особенность Польского Костела в том, что партия ему тоже доверяла. В Польше с началом фальсификата Вакшанского, не вспоминая о нападении на Гомулку в 56-м, о послании епископов, которое было политическим жестом, рассчитанным на пятьдесят лет вперед, – как мы теперь видим из немецкого епископата, – все верили в мудрость Костела. В мудрость иерархов и в то, что они сумеют удержать контроль над народом и будут миротворцами. И они были. Церковь ходатайствовала и за интернированных, и за посаженных в 81-м и 82-м. И точно также Церковь говорила правду в глаза руководству «Солидарности». Она помогла создать, как бы это сказать – «альтернативную циркуляцию культуры» – замечательные театральные постановки и концерты, которые воспитывали народ в костелах Польши, например, на улице Житня в Варшаве. Это просто легенда польской культуры.

Но, тавтологии в понятиях «Солидарность» – Костел – нет. Поскольку «Солидарность» была емкой и пестрой структурой. В нее входили не только католики, и неверующие, и православные, лютера-

08/2009

не, евреи. Это как бы некий «космос», отражающий Польшу, Речь Посполитую. Конечно, все признавали авторитет Церкви. И, кроме того, был еще момент некоторого недоверия в кругах самой Церкви к части нового движения. Потому что там многие, казались им «перекрашенными», «ряжеными». Есть замечательные документы-воспоминания, как в первые моменты часть иерархов относилась к тому, как можно подать руку и поддержать тех диссидентов, среди которых, например, Яцек Куронь. Которого они помнили матерым марксистом. Это получается, что надо поддержать одних «красных» против других. Стоит ли подвергать опасности авторитет Церкви ради этого?

Кроме того, нельзя ограничиваться здесь только польской иерархией. Польским Костелом. Есть еще Папа, и Ватикан. Честно говоря, 4 июня 1989-го – это первые свободные выборы в Польше, а 4 июня десятью годами раньше – первое паломничество Папы на Родину. Совпадение гениальное, не правда ли? Папы, человека, который дважды приезжал в Польшу во времена военного положения, который говорил власти и народу то, что думал. Который говорил власти в глаза, что она должна вести диалог с обществом и не должна забывать о том, что власть – это кредит Всевышнего, которым им дано пользоваться. Что власть – не сама по себе, не ограниченная ничем. А народу говорил, что надо выстоять. Именно в его поучениях находили истоки, как говорили «самоограничивающей себя революции». Так же, как у Ганди – без насилия. Есть известные слова проповеди: «Да придет Святой Дух и обновит лицо земли» – это цитата из Священного Писания, а дальше он значительно досказал: «Этой земли!» Получается – нашей земли, Польской. Резонанс был сильнейший.

И Вы знаете, я думаю, что если посмотреть на роль и значение Иоанна-Павла II для польских событий, то, когда мы измерим это значение, сможем открыто посмеяться над известной фразой Иосифа Виссарионовича: «Кто такой Папа, и сколько у него дивизий?» Поскольку оказывается, что у Польского Папы в Польше была многомиллионная армия. И, кажется даже, что именно его решения, его позиция бывали решающими в польских условиях, ставляя даже тех иерархов, которые не доверяли

оппозиции, которые боялись выступать против. Но Церковь – это послушание, это традиция, здесь, как говорят: «закон *Петрова Престола* – *Roma locuta, causa finita* – Рим сказал – дело закрыто!». Папа сказал – все! А он сказал – да! И, конечно, архитектором перемен в Польше, архитектором свободных выборов в Польше является Иоанн-Павел II.

Я думаю, Владимир Высоцкий удивился бы тому, в какую сторону пошла интерпретация его летучей фразы из песенки: «подбросили им Папу из наших, из славян».

Это сладкое слово – Свобода

Чем, г-н Посол, являются выборы 4 июня 1989 г. лично для Вас, тем более что и Вы длительное время принимали активное участие в борьбе польского народа за свою подлинную независимость, приведшую Вас даже к эмиграции?

Бар: Я вижу свою роль в этих событиях ничтожной струйкой в огромном русле могучей реки. Я был тогда эмигрантом, и мне было одновременно и тяжелее, и легче. Я был журналистом, и сам писал тогда какие-то тексты, и потому мне было легче. Для меня имеет огромное значение не то, что я лично ощущал. Могу сказать, что особенно отчетливо я ощущал падение Берлинской стены, потому что видел его своими глазами, хотя и не был там, но смотря каждую минуту, что там происходило, и, находясь в свободной стране, где тогда жил. И все же для меня 4 июня действительно имеет особое значение, потому что мы «зацепились» за эту дату, как точку начала новой жизни нашего народа. И она важна для меня не как дата больших жертв нашего народа, что очень часто в нашей истории. А как день огромной радости, «переворота справедливости». И я хотел бы, чтобы он был в будущем похож на тот, какую каждый год празднуют французы. 14 июля – взятие Бастилии. Ведь эта революция была в тысячи раз более кровавой, чем перемены в Польше, но сегодня французы празднуют этот праздник как торжественный, семейный. Все выходят в нарядных платьях, в воздухе плывут трехцветные баллоны и все осознают радость и блаженство жить в свободной стране. Я желаю моему народу и себе самому, именно такого праздника.

**Науменко В.Г. Великое предательство.
Стрелянов П.Н. (Калабухов) Как погибали казаки.**

М.: Посев, 2009. – 544 с., илл.

В книге собраны материалы о Казачестве, вступившем во Второй мировой войне в вооружённую борьбу с коммунистами от Кавказа до Балкан. Более 100 тысяч казаков, оказавшихся к концу войны на территории Европы, были насильственно выданы сталинскому режиму в 1945–1947 гг., о чём свидетельствуют многочисленные воспоминания очевидцев и участников трагедии. Сборник дополнен уникальными документами из личного архива Кубанского Войскового Атамана генерал-майора В.Г. Науменко, ряд которых печатается впервые.

Цена – 400 рублей (по предоплате)

Ежи Бар

У Польши в России много послов...

Ежи Бар – Чрезвычайный и Полномочный Посол Польши в России; историк, социолог, дипломат, прекрасно говорящий на русском, английском, немецком, румынском, украинском и литовском языках, но ещё и художник, увозящий с собой из своих длительных командировок новые картины, навеянные страной пребывания и созданные в редкие минуты отдыха.

– Недавно я был на конференции «Управляемая или не управляемая Россия» с участием российских, американских и европейских коллег. Мы, в Посольстве, безусловно, не могли пройти мимо этой важной темы. В первый день все представлялось, и когда я взял слово, то я сказал: «Если где-то встречаются российские и западные коллеги по столь важному поводу пусть никто не удивляется, что в середине обязательно будут поляки». Возможно, эта конференция окажется одной из самых интересных в настоящее время.

– *Отлично, но господин Посол, сегодня мы встречаемся не в официальной атмосфере Вашего служебного кабинета, а в Вашей домашней атмосфере, поэтому позвольте задать Вам не столько официальные вопросы, протокольного интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла, а поговорить с человеком, и поэтому позвольте первый вопрос. Что значит быть поляком?*

– Прежде всего, радоваться что можно быть Поляком на полную катушку! После всех испытаний, которые выпали на долю наших отцов и дедов в предыдущие века и особенно в XX веке, сегодня можно просто быть поляком. И знаете, это сеет в нас радость. И может быть парадоксально, то что я сейчас скажу, но в традиционной польской литературе не было героини-женщины. Ну, не совсем конечно, а в той мере, в которой женщина присутствовала во французской и английской литературе. А почему, да потому, что перед тем как быть женщиной она, прежде всего, должна была быть матерью, рождающей героев, которые могут сражаться за Родину. И это было главное, можно сказать, это было наше всё. Вторым моментом было то, что когда возникла, восстановилась, первая независимая Польша в первой половине XX века, то, пожалуй, наше отношение лучше всего характеризовали строки из польской поэзии: «Весной не Польшу хочу увидеть – но весну!» Давайте рассмотрим оба эти примера – первый, поляк как мать будущего повстанца, и весна как настоящая весна, а не обязанность писать поэму по поводу страны как таковой – являются сигналами мечты о том, чтобы всё было нормально. Из этого, возвращаясь к Вашему вопросу, могу сказать – сегодня быть поляком, это что-то нормальное! Мы можем чувствовать себя комфортно, искать новые крылья, чтобы летать, чтобы чувствовать радость полёта. И это совсем не так, как раньше. Потому что самая трудная работа, выбор, уже сделана, надо просто радоваться и славить блаженство мирной жизни.

– *Вы с самой молодости начали изучать Россию, русский язык, историю. Можно сказать, что логичным завершением является Ваш сегодняшний пост Чрезвычайного и Полномочного Посла в Москве. Королевиц – Кёнигсберг – Калининград, изучение этого Балтийского края, открытие Генконсульства Польши, а потом множество поездок, конференций, встреч и картин, навеянных Россией. Почему у Вас возник такой интерес?*

– Я бы сказал так: Россия, которая тогда была Советским Союзом, была с каждой точки зрения вызовом. Так было для нас живших в соседней стране, которую мы не скрывая могли называть – оккупированной. Мы жили с мечтой о независимости, а против нашей мечты была обстановка в стране. Подавляющее большинство делало свой вывод, лучше оккупанта не замечать и им не заниматься. И,

*Беседовал Григорий Амнуэль.

08/2009

прежде всего, не учить русский язык. Это было очень легко, так как не учиться всегда легче, чем учиться. К радости директора и учителей Краковского лицея, в котором я учился, когда стал вопрос о выборе дополнительного экзамена, я выбрал экзамен по русскому языку. Я оказался единственным учеником, выбравшим этот предмет. И это, разумеется, дало мне дополнительные баллы, так как я был тот – кто отнёсся к изучению русского так серьёзно, а для дирекции гимназии это дало возможность рапортовать о том, что всё в порядке. Но одновременно с изучением языка я относился к Советскому Союзу не как к огромной стране окрашенной в один цвет, я подспудно различал: здесь Украина, здесь Белоруссия, Литва, а здесь Калининградская область – Россия. Это касалось и других пограничных с нами государств. Я понимал разницу между Чехией и Словакией в единой Чехословакии, и я понимал, что ГДР это не вся Германия. Каждое соседнее государство, каждый сосед интересовал меня больше, чем это освещалось официально. Я старался понять историю и современные процессы в этих странах. С другой стороны русский язык открывал мне путь не только к культуре, но и к истории и давал возможность понять различия между русскими, украинцами, литовцами. Понять, почему судьба соединила эти народы, особенно в XIX и XX веках, но и помнить, что были различные моменты в истории. Именно это позволяло России существовать в моём сознании полноценно. И потом, уже во время эмиграции, это нашло продолжение в моей работе, с 80-х годов в Швейцарии в Институте Восточной Европы. В это время в СССР началась перестройка. Я, несмотря на работу с другими языками – литовским, румынским, или занимаясь балтийскими проблемами, не мог не интересоваться тем, что происходит у Вас. Так как все мы понимали, что самое главное, самое интересное происходит здесь, в Москве. Мы все следили за этими гигантскими процессами, которые тогда начинались. И это был, безусловно, отличный момент для приближения к российской тематике ещё более профессионально. А потом был приезд в Москву, за две недели до путча 91 года, в начале августа. Исторические и демократические преобразования происходили на моих глазах. Потом я стал первым польским дипломатом в Калининграде после II мировой войны, и открывал там польское Генеральное Консульство. Возвратившись в Польшу я продолжил свою работу в качестве директора восточного европейского департамента и опять к своему удовольствию львиную долю времени естественно занимался отношениями с Россией, так что Вы правы – оказаться Послом в Москве является логичным итогом моей деятельности и жизни. Тем более, занимаясь другими странами – Украиной, Литвой, нельзя было не продолжать заниматься Россией. Поэтому я со всей скромностью могу сказать, что въезжая в Россию, я знал, куда я приезжаю, но я и знаю, что Ваша огромная страна всегда даст мне новый материал для изуче-

ния и познания. Я категорически не согласен с расхожей строкой: «Умом Россию не понять», я презираю эту формулу и глубоко убеждён, что это одна из самых распространённых шуток, которую русские намеренно, подбрасывают миру, чтобы дать понять, что их никогда никто не поймёт. Разумеется, это не так. Россия такая же страна, как и другие, и люди в ней живут такие же, и формула H_2O в России значит тоже, что и везде. Разумеется, есть гигантская территория, и разнообразие того, из чего состоит страна, конечно, всё это требует особых подходов. Я абсолютно уверен, управлять таким государством как Россия намного сложнее, чем многими другими. Но работать и разбираться в такой стране очень интересно.

– *Одно из самых сложных испытаний, которые судьба бросает человеку и государству, это – эмиграция. Ведь человек не покидает Родину, если в ней всё хорошо. Разумеется, я говорю не только о политической эмиграции, но и об экономической, оставляя за скобками самую трагическую – когда, как в период Мировой войны или революции люди вынуждены были спасти свою жизнь, отправляясь в эмиграцию. Увы, XX век можно назвать веком эмиграции. Вы сами провели несколько лет в эмиграции, Вы встречались с русскими, советскими эмигрантами. Каков Ваш взгляд на эмиграцию, и какие в ней есть различия?*

– Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо написать целую книгу, но я постараюсь быть кратким.

Первое, на что нужно себе ответить, почему мы решаемся стать эмигрантами. Остановимся вначале на политических аспектах. Коммунистическая система в Польше была сложной, неприятной, но она была выносимой. Однако пришёл момент, когда ввели военное положение. И началась жизнь абсолютно чудовищная. Конечно, можно приводить в пример другие страны, где людей уничтожали просто так, независимо от того, что они делали. В Польше так не было, но жизнь, начиная с самых мелочей, была идиотской. В телефонной трубке Вы слышали эхо и понимали, что Вас слушают, и такими «мелочами» была наполнена вся жизнь. Разумеется, я не считаю, что мелочи подтолкнули меня, или могут подтолкнуть кого-то к этому шагу, но без них его не бывает. Для меня с момента введения военного положения отчётливо было ясно, что если не случится чего-то ещё более страшного, мой следующий шаг будет шаг в эмиграцию. Но я хочу привести маленький, но очень важный пример того, как это было. Мы с моей семьёй были в гостях, пили чай, но последний трамвай опоздал, и когда мы приехали на нашу остановку, а от неё до дома было приличное расстояние, осталось несколько минут до наступления комендантского часа. Мы выскочили из трамвая и бегом бросились в сторону дома. И вдруг, на бегу я осознал как пронзённый молнией. Я в своём городе, в своей стране, со своей семьёй

ёй, я пил чай, не нарушал ничего, и я должен унижено лететь домой? Кто имеет право меня так унижать? Кому я даю это право? Я остановился, и дальше пошёл абсолютно спокойно. Я был свободен, и никто не мог унижить моё человеческое достоинство. Вам может показаться, что это реакция интеллигента? Но это было в тот момент, когда люди и из других социальных слоёв находили силы и аргументы для сопротивления. Моя форма была в том, что я начал спокойно идти, просто так. И когда я решил выехать из страны и попросить политическое убежище, я учитывал, что в Польше была жесточайшая цензура на книги, на тексты, на всё. Даже обыкновенный поход в библиотеку превращался совсем в ненормальное действие. Я сформулировал для себя, что не позволю никому быть препятствием для моей жизни, которая в самом разгаре. И я сегодня тоже так думаю, что нет такой силы, которая может мне запретить действовать, так как я считаю нужным, разумеется, в рамках закона, но нормального закона. И когда сегодня что-то происходит в других странах, я не удивляюсь тем, кто реагирует как я тогда. Но конечно, это только импульс, а потом приходит самое трудное – эмиграция. Вы видите, как эмиграция открывает Вам новые двери, и в тот же момент понимаете, что что-то Вы вынуждены терять навсегда. Это и семейные трагедии, часто неизбежные при эмиграции. Я видел людей, которые вынуждены были разводиться. Я видел, как издевались одни

эмигранты над другими эмигрантами. Я жил в комнате, в которой один выкинул другого из окна из-за проигрыша в карты всего четырёх долларов. Я знаю, что он погиб, и не сам выскочил в окно, и что демократическая система страны, где мы находились, не стала разбираться с этим «несчастливым случаем». Эмиграция это время невероятных ощущений и она требует очень быстрой учёбы. Жизнь получает большое ускорение, и тот, кто сможет ей соответствовать, состоится. Мне было легче, я был уверен, что моя эмиграция не будет вечной. Конечно, это был инстинкт, предчувствие, возможно совершенно не рациональное, но оно было. Я был с самого начала уверен, я – вернусь! Именно поэтому, когда я получил приглашение в США, то решил оставаться в Европе, максимально близко к нашей части Европы. Просто потому, что работать над проблемами России где-то в Аризоне за много тысяч километров от той же России – это немного смешно. Хотя когда я спросил моего родственника, что было для тебя самой большой радостью в Аризоне, он мне сказал: «Представляешь, синее небо Аризоны! И на полторы тысячи километров влево в нём нет советских самолётов! И на полторы тысячи вправо, их тоже нет!» Для него это было главным секретом счастья. Разумеется, мы говорим о начале восьмидесятых годов.

Кроме этого хочу коснуться ещё одного аспекта. Я находил в этом положении и в это время столько

человеческой солидарности, я получал столько поддержки и помощи, что без них жизнь была бы гораздо более сложной и менее богатой, в человеческом смысле. И этого было столько, что я до сих пор чувствую себя в долгу перед ними и перед теми, кому уже я могу помочь. Я не представляю, после периода эмиграции, чтобы можно было жить, не помогая другим. Помогать тем, кто в этом нуждается, чрезвычайно легко, потому что я прошёл школу этой помощи. Если ты нормальный человек, невозможно, не заметить, сколько хороших людей в мире. Пожалуй, это самый положительный урок эмиграции.

Конечно, существует и отрицательный опыт. Что касается польской эмиграции, на своём примере, на примере моей семьи, на примере моей мамы, могу констатировать – это страшное испытание. Мама вынуждена была тоже эмигрировать, и к сожалению быстро умерла. И когда мы говорим о жертвах того военного положения, мы должны учитывать и её, и таких как она, хотя, разумеется, их нет ни в каких списках жертв тоталитарного режима. Мы должны посчитать всех тех, кто вынужден был развестись, оставить любимого человека, кто никогда не смог создать семью, родить детей, всё это счёт антидемократии. Всех тех, кто с большим трудом вынужден был пройти через сложные, а порой и страшные испытания.

Но есть и совсем новые элементы в современной эмиграции, которых раньше совсем не было. Я как социолог помню воспоминания крестьян-поляков, которые вынуждены были эмигрировать в Америку в начале XX столетия. В этих воспоминаниях была такая трагедия, такая тоска по Родине! Неизбежное чувство окончательной потери всех связей с тем местом где-нибудь в Галиции, откуда они отправлялись за океан. Они были вынуждены уезжать, так как семьи были многодетные, а земли хватало только для двух человек, и это была экономическая эмиграция. Они прощались с матерью и Родиной навсегда, так как знали они больше не увидятся. И так действительно было, потому что такое расстояние, и такое было сообщение, коммуникации. Теперь совсем другое дело. Я могу это сказать на примере моей семьи. Когда она жила в США, она была в курсе всего, что происходит на Родине. Читали газеты, смотрели фильмы, телевидение, а потом, уже с Интернетом, со скайпом, иногда родные были даже лучше в курсе, чем я, что происходит. Бывало так, что они мне звонили в Литву, где я работал послом, и говорили: «... обязательно прочти сегодня эту статью в «Речи Посполитой», она очень важная...», и я за утренним кофе уже знал, что я должен прочесть. Современная эмиграция, экономическая, живёт в совсем других параметрах. Всё это облегчает эмиграцию. Находясь в тысячах километров от Польши ты можешь поддерживать иллюзию, что ты рядом с ней.

Многие боялись кризиса. Что будет, если все, кто уезжал за последнее десятилетие вернуться? Оказалось, действительно многие вернулись из Исландии или Ирландии, но они тут же взяли ис-

кать себе новые места работы, и они уже не хотят ограничиваться своей страной, а свободно едут туда, где нужны, где есть работа, где лучше заработок, и они не теряют при этом связи с Родиной. У них появился вкус к такой жизни, и не столько из-за вкуса пищи, а просто они стали гибче. И многие, заработав, возвращаются, а потом опять уезжают, и опять возвращаются. И это уже новая – временная эмиграция. Мы живём с ней, и будем продолжать жить. Но мы всегда должны помнить, что в любом случае наличие эмиграции говорит о болезненных симптомах и в стране, и в обществе, и в человеческом существовании. В любом случае – это как валик-каток, который Вас давит. После эмиграции, или в ней – ты всегда другой человек.

– Спасибо, Вы прекрасно рассказали об эмиграции, о разнице наступившей с техническим прогрессом. А какое значение имела для польской эмиграции свободная пресса, ну скажем, «Карта», или такие произведения, как снятый во Франции А. Вайдой «Дантон», и как эти «эмигрантские» слова правды воспринимались в Польше?

– Культура, я имею в виду и произведения, и людей культуры, являлась колёсами, на которых мы двигались в сторону свободы! Без сомнения, они прокладывали нам путь в нужном направлении. Работая в Швейцарском Институте Восточной Европы, мы получали порядка трёхсот изданий, включая толстые тайваньские журналы на английском языке о положении в Китае. И мы конечно всё время поддерживали контакты со всеми эмигрантскими центрами и с деятелями культуры. Среди них был и «Посев», и мы участвовали в мероприятиях во Франкфурте-на-Майне, конференциях устраиваемых «Посевом». И на этих мероприятиях мы встречались с очень интересными людьми, которые всю свою жизнь отдали борьбе за свободу своей Родины. С диссидентами, писателями, поэтами, физиками. У нас выступал Булат Окуджава. Были встречи в Париже, в Мюнхене, где были самые большие собрания книг о России и Восточной Европе. Я помню одну конференцию, посвящённую 1000 летию крещения Руси, где один дьякон, разумеется, Русской Зарубежной Церкви, выступил с докладом о состоянии Церкви в СССР, а под конец показал фотографии бассейна «Москва», сооружённого коммунистами на месте храма Христа Спасителя, и сказал с уверенностью: «Мы будем на этом месте крестить людей! Мы окрестим тут новую Россию!» На меня это произвело очень большое впечатление. Я очень рад, что мне своими собственными глазами пришлось увидеть все эти изменения, и возрождение храмов и в том числе и храма Христа Спасителя. Учитывая, что вы получили с небес подарок, что цены на нефть стали так расти, то славу Богу, часть этих денег была потрачена на возрождение и восстановление того, что было уничтожено раньше. Конечно, если бы не эти финансовые условия, многое, наверное, было бы невозмож-

но. И независимо от того, чем руководствуются те или иные люди. А я допускаю, что тот или иной губернатор или мэр просто хочет, чтобы у него было как можно больше больших храмов, не очень задумываясь о вере, но меня это не пугает, так как я всё равно считаю, что это создаёт каркас новой России. Каркас во всех смыслах, и, главное, это просто постепенно наполнить стены верой и духовностью. И если я могу что-то пожелать России, то это чтобы будущие поколения продолжили такое строительство с верой и добротой. Нужно, чтобы люди видели в этом не форму, а всё больше смысл своей жизни. Тогда общество станет обществом христиан и наполнит свою жизнь другим смыслом, а не только внешними признаками, и это, безусловно, будет на благо России и мира.

– Если мы коснулись христианства, можно сказать, что покаяние является ключом к примирению. Польское государство совершило в последние десятилетия покаяние за страшные страницы истории. Между Россией и Польшей такого покаяния никак не выстраивается, почему?

– Может быть, Вы и не догадываетесь, но Вы сами ответили на свой вопрос, так как употребили понятие «покаяние государств». Государство никогда не кается, настоящее покаяние бывает только между людьми, между гражданами стран, и разных местностей. Я, прежде всего, хочу сказать, что Польша и поляки за прошедшие двадцать лет обретения своей настоящей независимости совсем неплохо поработали над собой и своими отношениями именно с точки зрения покаяния. Хотя, мы католики и чаще используем слово примирение, оно более характерно для нас. В отличие от православия, где безусловно, покаяние одно из главных, фундаментальных понятий. Нам удалось за 20 лет примириться с немцами, признаться и покаяться в преступлениях против евреев и найти общий язык с украинцами, с которыми были не менее страшные моменты в нашей новейшей истории. Нам повезло, что мы это смогли сделать. Вы правы, что процесс примирения, покаяния между поляками и русскими идёт не так быстро. Я ещё раз подчёркиваю, что говорю именно об отношениях людей, а не государств. Этот процесс далёк от завершения, он нуждается в постоянной практике. Например, для этого нужно безвизовое движение, или чтобы максимально просто было попасть из одной страны в другую, чтобы можно было хотя бы познакомиться друг с другом. Только имея возможность постоянных встреч, ты можешь узнать лучше другого человека, и понять его. Только тогда можно понять, что человек чувствует, что он пережил и почему он так реагирует на те или иные события. Для этого надо много говорить и слушать! К сожалению, мы ещё этой «домашней работы» друг другу не сделали. Не разобравшись со старыми ранами, мы причиняем, друг другу новые, пускай не раны, но раздражения. Происходит это, прежде всего, из-за взаимного не-

вежества. К сожалению, наши молодые поколения очень плохо знают друг друга. Необходимо в рамках российско-польских отношений поставить вопрос и решить проблему взаимных контактов нашей молодёжи, будущих поколений, как одну из самых приоритетных. Иначе рано или поздно окажется, что у Вас есть книги, в которых написана правда, у нас есть книги, в которых написана правда, но нет читателей, желающих их читать. Это один аспект. В другом смысле я, наверное, большой оптимист, но считаю, что и по нашу и по вашу сторону есть большое количество людей заинтересованных в этом процессе и уже много сделавших для него. Мне кажется, что подготовлена почва для следующего этапа. Мы ещё не знаем, каким он будет, но он может и должен оказаться самым важным в деле примирения между поляками и россиянами. И конечно очень важный пункт – это закрытие Катынского дела. Я не хочу сейчас подробно останавливаться на этой проблеме. Коротко: нужно быть транспарентными, рассекретить все материалы и открыть все архивы.

Я уже говорил, что православие более глубоко относится к покаянию, чем католичество. Когда поляк встречается с русским, то русский часто каётся по поводу Катыни. Но он вовсе не виноват, и мы прекрасно знаем, что этот человек не имеет ничего общего с этим преступлением. И поляк говорит ему: «Слушай, друг, тебе всего 20–30 лет и я не вижу твоей вины. Единственное чего я, мы хотим, это знать об этом!» Как мне заверить Вас, что мы не видим в Вас человека виновного, а следовательно, ответственного? Для россиян часто характерно принимать на себя чужую вину, он как бы чувствует на своих плечах, за своей спиной невинно пролитую кровь. Поэтому, если мы не будем об этом говорить открыто, мы никогда не объясним друг другу разность этого взгляда, этих позиций. Я только хочу заверить, что мы абсолютно в состоянии совершить примирение со всеми. Взять больше из другой культуры и считать это своей радостью. Например, во время проведения в Кракове фестиваля еврейской культуры, уже 19 лет подряд, мы видим огромное скопление людей веселящихся и танцующих в такт зажигательным мелодиям. Но это совсем не значит, что все они евреи. Нет, наоборот, более 90% люди других национальностей, но просто в этот момент все понимают и принимают радость и культуру еврейского народа. Я абсолютно не вижу никаких препятствий к тому, чтобы так происходило и с российской культурой. Чтобы мы радовались от чистого сердца. Мы все становимся богаче, беря частичку чужого мира в свой, постоянно, таким образом, расширяя кругозор, а, следовательно, и понимание мира. Я абсолютно уверен, это возможно!

Несмотря на драматические страницы прошлого и различия нашего развития в последние годы, мы должны заниматься этой работой. Поляки, Польша, добровольно вошла в самый большой союз, существ-

08/2009

вующий в мире. Я не говорю сейчас о НАТО, которое является щитом, гарантирующим нашу безопасность. Я имею в виду европейский Союз – европейское сообщество. Это огромный вызов, если для тебя открыто 26 стран, а наверняка будет ещё больше, и ты можешь там учиться, ездить. Это огромное пространство и большие предложения. И понятно, что другая часть Европы, а Россия, безусловно, часть Европы, более закрытое пространство – проигрывает в интересе и, следовательно, в знании. На неё просто не хватает сил и времени. Тем более, если это пространство затуманено и иногда подаёт сигналы, которые могут быть нам не очень приятны. Но я верю, что всё это проблема времени. Я оптимист и, более того, в данном случае я «профессиональный» оптимист.

– Завершая наш разговор, позвольте вернуться к началу. Мы говорили о роли женщины. На только что завершившемся Московском Международном Кинофестивале было показано два польских фильма. В конкурсе «Малая Москва» (фильм – победитель всепольского кинофестиваля 2008 г.) – в центре которого женщина, русская, но находящаяся в Польше, и второй – «Татарак» (русское название «Аир») Анджея Вайды по прозе Ярослава Ивашкевича соединённой, и сыгранной с реальной историей прекрасной польской актрисы Кристины Янды. Два произведения, в центре которых женщина. Значит ли это, что что-то меняется в польских приоритетах? И ещё, расширяя в завершение наш разговор. До вашего назначения Послом в Россию по Москве ходили слухи, что послом может стать выдающийся польский кинорежиссёр Кишиштоф Занусси, среди фильмов, которого есть «Персона нон грата» – фильм о судьбе посла. Не в России, а в другой стране, но с участием русских мотивов, сыгранных Никитой Михалковым. Насколько режиссёр и европейский интеллектуал высшей пробы Кишиштоф Занусси смог заглянуть в мир Посла? И, наконец, последнее. Как Вы, не только как дипломат и историк, но, прежде всего как художник, в свободное время создающий арт-инсталляции, создали бы портрет Посла Польши?

– Портрет Посла Польши – ну, во-первых, я счастливый человек, живущий и работающий в стране, где несколько послов Польши. Один официальный дипломатический бюрократ и много других – послов по специальным культурным полномочиям и среди них один из первых и главных Кишиштоф Занусси, прекрасно говорящий по русски, и не жалеющий никогда своего времени для приездов в Россию, лекций, кинопоказов, встреч с российской публикой и прежде всего молодёжью. Это наполняет меня не только не завистью, а огромной благодарностью, так как пан Кишиштоф помогает делать часть нашей посольской работы, и мы ему очень благодарны и высоко ценим и его

знания России, и опыт общения, которому не перестаём учиться.

Вообще на пост послов видимо обычно назначают не простых людей, страны стараются найти на эту работу действительно интересную личность. Ведь Посол должен иметь не только профессиональные качества, но и что-то большее. И я хотел бы, чтобы Послы Польши, не только в России, но и в других странах, были такими людьми. И, я знаю, что среди моих коллег большинство – такие люди, с широкими горизонтами. У меня были прекрасные предшественники в Москве, оставившие заметный след в наших отношениях, и уезжающие из России обогащённые любовью России. Я точно так вижу себя, уезжая из стран, где мне посчастливилось работать, я оставлял там частичку своей души и своего сердца, но и увозил с собой тепло этих стран – Украины, Литвы, Румынии. И сейчас, когда подходит к концу моя профессиональная деятельность, я очень рад, что завершаю этот путь в Москве, в России.

Что касается женщин, Вы совершенно правы. Роль женщины постоянно возрастает. Даже если вспомнить фильм Анджея Вайды «Катынь» – то эта трагедия показана их глазами! Главная мысль – это память женщин, которые не дождалась, не простили, или, наоборот, вынуждены были простить... Я был на московском кинофестивале и смотрел «Малую Москву», и я был поражён, когда по завершении сеанса видел плачущих мужчин.

Видимо, если возвращаться к началу нашего разговора, всё это подтверждает что, обретя истинную Свободу, мы и в своём искусстве проникаем к истинным ценностям, сокрытым невзгодами. Роль женщины и любви, безусловно, возрастает, так как это истинная, не проходящая ценность. Было бы преступлением не использовать этой красоты во всех сторонах человеческого жизни. Кстати, социология и статистика подсказывают, что оказывается среди руководителей частных фирм, успешных предприятий всё чаще встречаются представительницы прекрасного пола. Польша по этому показателю занимает одно из первых мест в Европе, и я убеждён, что новое время способствует развитию этого феномена. Об этом пишут, проводят конференции, более того, выяснилось, что женщина лучше разрешает конфликтные ситуации, лучше сглаживает «острые углы», которые, увы, мы мужчины не всегда находим силы обходить. Даже в нашей, не простой профессии, всё больше и больше женщин-дипломатов. Свидетельством понимания этих процессов является тот факт, что с недавнего времени Чрезвычайным и Полномочным Послом Польши в Грузии является женщина, прекрасная моя коллега. А искусство, соответственно, всё чаще обращается к образу женщины и к её вкладу в дальнейшую историю нашей страны.

– Спасибо Вам больше за интервью. Здоровья и успехов Вам, и процветания Польше!

Поддерживая и одобряя призыв ныне действующего и предыдущего Президентов Российской Федерации не допускать переписывания истории II мировой войны, но не зная при этом, что есть канонический текст, «Посев» собирает различные точки зрения.

Рольф-Дитер Мюллер

Субъектно-субъектные отношения

В СССР и Германии много аналогичного, так как обе партии и оба государства нового типа.

Вячеслав Молотов Рудольфу Гессу, ноябрь 1940 г.

– *Нередко в публицистике используется выражение «историография Холодной войны». Под этим подразумевается тенденциозность и однобокость в восприятии СССР в качестве врага. Какие изменения в описании пакта произошли с тех пор в германской науке?*

– Как ни парадоксально, западногерманская историография в течение сорока лет терпеливо выслушивала всё то, что вещала советская и восточногерманская пропаганда: о жизненной необходимости пакта для сохранения мира, о том, что этот шаг был вынужденной мерой для Кремля, что в развязывании войны виноваты Англия и Франция и т.д. и т.п. Конечно, возражали, когда нам преподносили откровенную ложь о том, что секретных протоколов о разделе Европы не существовало. Но на конференциях также показывали определённое понимание того, что восточноевропейские коллеги в той ситуации должны были врать. Многие историки в ФРГ ограничивались освещением роли Гитлера как агрессора. Для Сталина находилось некоторое понимание, поскольку, с немецкой точки зрения, он был обманут Гитлером, и через два года подвергся нападению.

– *В свете последних достижений науки, какковыми выглядят мотивы сторон, заключавших договор?*

– Лишь меньшинство германских историков настаивает на том, что коварный и расчётливый Сталин втянул наивного психопата Гитлера в войну с Польшей. Многократно зафиксированы высказывания тогдашнего главы Германии, о том, что он желал настоящей войны. И не простого марша, каковым являлось покорение Австрии, Судет, вступление в Прагу. Поскольку Польша отказалась вступить на германской стороне в качестве союзника, она стала первым объектом нападения. Потом немцы должны были устремиться на Францию или СССР. Чтобы удержать Англию от выполнения своих гарантий Польше, избежать англо-

франко-советского военного альянса, Гитлер позитивно отреагировал на сталинские предложения о начале переговоров. В Вермахте и среди дипломатов всё ещё существовала «фракция Раппало», которая верила в возможность длительного германороссийского сотрудничества на антипольской основе. Но ненависть Гитлера к «иудо-большевизму» и его фикции о германском «жизненном пространстве» на Востоке были так велики, что он ни на одну секунду не задумывался сохранять альянс со Сталиным хотя бы ещё день после того момента, пока он не потеряет стратегическую необходимость.

Что касается роли Сталина, то она изучена лучше, чем раньше. Многие историки сейчас справедливо аргументируют, что красный диктатор с помощью своего коричневого коллеги смог восстано-

* Профессор Рольф-Дитер Мюллер (Rolf-Dieter Mueller), научный сотрудник германского военно-исторического исследовательского института (Militergeschichtliches Forschungsamt), ответственный за направление по исследованию II мировой войны. Беседовал Александр Гогун.

08/2009

вить старые границы русской империи, но это в конечном итоге повредило интересам России. Оккупированные тогда области на западной границе никогда не потеряли устремлений к независимости. Временные стратегические плюсы были небольшими и были быстро потеряны в течение нескольких дней 1941 года. За это Сталин был готов два года подряд поддерживать войну, которую вёл Гитлер, и даже распустить Коминтерн.

Лично я думаю, что Сталин фактически был готов конструктивно сотрудничать более продолжительный период. Сложилось все условия, чтобы поделить с Третьим Рейхом и Японией всю планету на сферы влияния. Общим врагом были капиталистические сверхдержавы. Разумеется, не исключено, что в более далёкой перспективе он видел и мировую революцию, а Гитлер был для него удобен как партнёр, сокрушающий западные демократии.

– Какое место пакт занимает в национальной памяти немцев?

– В целом незначительное, как на официальном уровне, так и среди населения. Если Вы проведёте опрос, то большинство граждан Германии, в том числе и молодых, скажет: «Пакт был, Гитлер со Сталиным друг друга поняли, а больше мы ничего не знаем».

– Не противоречит ли Ваше высказывание последним событиям? Германия – главная страна ЕС, а Совет Европы в июле принял постановление о том, что 23 августа теперь считается днём памяти жертв национал-социализма и сталинизма.

Это – важный прогрессивный шаг в развитии исторической памяти, также и для немцев. Как минимум историки с 1990 года научились, а также с интересом приняли к сведению, что в Центральной и Восточной Европе советское время интерпретируется как период оккупации. Мы лучше теперь понимаем, что означал сталинизм для людей этих стран. И политическое предубеждение против теории, которая сравнивает национал-социализм и коммунизм, рассеялась. Но в политике, СМИ и общественности всё же можно наблюдать определённую сдержанность.

Во-первых, всё ещё сильны опасения релятивизации нацизма, что может произойти через подчёркивание значимости советских преступлений. Немецкая вина за развязывание II мировой войны и нападение на Советский Союз – столпы немецкой политики в области истории.

Во-вторых, необходимо конструировать общую европейскую память не только вместе с нашими коллегами из Центральной и Восточной Европы, но и с Россией. А там учреждения и ведомства очень чувствительно относятся к тому, когда ответственность за начало II мировой войны возлагается и на Сталина тоже. В последнее время Россия выдвигает тезис о том, что западные демократии повинны в начале войны из-за Мюнхенских соглашений, а Польша, может быть, вела себя слишком провоцирую-

щее, а также отказалась от создания совместного оборонительного союза под эгидой СССР.

– Либеральные российские учёные теперь уже и не полемизируют с несоветским взглядом. Почему германские историки обращают внимание на это?

– Конечно, преобладает общность в оценках, также с официальными историческими кругами в Москве. Если отдельные голоса выражают опасение по поводу возвращения к догматизму и преувеличенным оценкам, то это потому, что на Западе не уверены, в каком политическом направлении пойдёт Россия, и останется ли свобода научных дискуссий гарантированной. Поэтому мы должны приложить усилия к тому, чтобы, как выражаются в Германии, «держать открытым канал».

Во-первых, мы надеемся, что в том числе благодаря международному сотрудничеству в России когда-то всё же наступит смена поколений в учреждениях и ведомствах, занимающихся изучением истории и написанием школьных и университетских учебников.

Во-вторых, многие документы по самым животрепещущим темам середины ушедшего века до сих пор закрыты. Поэтому благодаря многим совместным проектам удаётся публиковать документы и материалы, которые в противном случае в обозримом будущем превратятся в архивную пыль.

– Какие новые тенденции в изучении II мировой войны, в том числе операций в Восточной Европе сейчас наблюдаются в германской историографии?

Судьба балтийских государств, бывших польских восточных земель и Украины во II мировой войне всё больше интересует германских историков, исследующих Восточную Европу. Это приводит к определённой изменению немецкой картины прошлого, даже если все ещё сложно рассматривать пострадавшие народы не только через фокус германских оккупационных учреждений. Определение «коллорабационизм» употребляется в негативном значении, но поведение людей в условиях господства чужого режима тяжело осуждать, особенно если эти режимы многократно менялись.

Особенно сильной переоценке подвергается советская партизанская война, многие десятилетия героизировавшаяся советской пропагандой. При критическом рассмотрении выходит, что она сыграла немалую роль в том, что советско-германская война стала такой кровавой для гражданского населения. Советские партизаны терроризировали собственное население, и убивали больше своих сограждан, чем немецких солдат. Под вопрос ставится сегодня и военная целесообразность такой формы Сопротивления.

Хочется отметить монографии Клауса-Йохена Арнольда (Klaus Jochen Arnold) и Дитера Поля (Dieter Pohl), вышедшие после выставки «Преступления Вермахта». Эта выставка создаёт у посетителей плакатное представление о германской армии

как о машине тотального уничтожения и массовых зверств. Обе книги посвящены оккупационной политике Вермахта в Восточной Европе. Арнольд указывает на то, что не только нацистская доктрина, но и обстоятельства, условия проведения войны оказывали влияние на поведение германских солдат на фронте и в тылу, их постепенную брутализацию. Имеются в виду расстрелы НКВД, совершённые летом 1941 года в западных областях СССР, убийства немецких пленных, партизанский террор. Поль ещё раз продемонстрировал разницу между действиями Вермахта с одной стороны, и полиции и СС – с другой. Именно последние совершили львиную долю военных преступлений. Кроме того, в работе также выявлен ряд сходных черт мероприятий немцев и оккупационной политики Советов и Японии в годы II мировой войны. Поль принадлежит к рабочей группе мюнхенского института современной истории, исследующей войну Вермахта на Востоке, и они публикуют новые научные работы, которые представляют дифференцированную картину поведения солдат.

К сожалению, в этих работах почти не использованы местные, восточноевропейские источники, не представлен «взгляд снизу». И пока что непревзойдённой комплексной работой о германском господстве в СССР является труд американца Александра Даллина, опубликованный полвека назад (Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies. – London: Macmillan & Co LTD; N.Y.: St Martin's Press, 1957).

В целом же, если раньше население Центральной и Восточной Европы рассматривалось в основном как объект диктаторов и их оккупационных органов, то сейчас, особенно благодаря молодым германским специалистам, работающим в архивах стран бывшего Восточного Блока, история потихоньку приобретает человеческое лицо. Научный интерес поворачивается к индивидам, которые в старой коллективистской исторической картине представляли собой серую массу объектов.

Вячеслав Королёв

Начальный период II мировой войны

23 АВГУСТА 1939 Г. – 23 АВГУСТА 1942 Г.

Стратегия Гитлера

8 декабря 1941 г. Япония объявляет войну США. Захватывая английские и французские колонии в Юго-Восточной Азии, японцы устремляются на запад. Продвижение их было столь стремительным, что уже в мае 1942 г., захватив Бирму, они оказываются на границе с Индией. Летом 1942 г. навстречу им через донские степи спешат немцы.

В 1942 г. СССР отводится роль статиста. Ему надо только пропустить немецкую армию к Волге, потом, через среднеазиатские республики, в Афганистан. Оставив, таким образом СССР без нефти и хлопка, с ним в конце концов заключат еще один Договор о ненападении.

Как мы видим, в стратегию политического руководства Берлина и Токио вовсе не входит завоевание СССР. Япония не использует, казалось бы, благоприятные возможности двинуть Квантунскую армию на захват Дальнего Востока, когда Сталин стянул оттуда почти все дивизии к Москве. Германия не повторяет попыток наступления на Москву летом 1942 г., ведь на некоторых направлениях немцы отступили не очень уж и далеко. Например, от Гжатска (ныне город Гагарин) линия фронта на восток отстояла на 20–30 км и проходила у истоков Москвы-реки. Это 150–160 км от Москвы. И Сталина Гитлер не собирался убирать. Наоборот, ценил его как диктатора. «Только он и может справиться с этим диким народом», – считал Гитлер.

Так в чем же тогда состояла его стратегия?

Из политического завещания Гитлера (1945) видно, что главным врагом Германии он видит международное еврейство. Справиться с международным еврейством для Гитлера – это лишить сионизм поддержки со стороны Великобритании и США. Значит, главным врагом для Гитлера являлся отнюдь не СССР, а скорее Великобритания с ее многочисленными колониями, разбросанными по всему миру.

В стратегию Гитлера не входит уничтожение сверхдержав, будь то Великобритания или, положим, СССР. Он реально смотрит на вещи. Он не хочет невозможного. Главное, лишить сверхдержаву ее могущества. Фундаментом могущества любой сверхдержавы он видит, прежде всего, не идеологию, не армию (что для нас является приоритетом несколько столетий и до сих пор), а экономику. Подрывая экономику государства, ты подрываешь его могущество.

В этом суть стратегии Гитлера. В этом суть разногласий Гитлера с его генералитетом. Но об этом чуть позже.

Чтобы ослабить, например, британского льва (именно ослабить, а не покорить, что невозможно), надо освободить Великобританию от колоний и главное – от Индии. А СССР и ослаблять не надо. Коммунисты – молодцы. Они сами разрушают свою экономику, уничтожая крестьян, загоняя в лагерь ученых. С такими отчаянными ребятами можно иметь дело.

Гитлер и его генералитет

До сих пор говорят, что Гитлер напал на СССР, не подготовив свою армию к войне в зимних условиях. Это верно, если исходить из стратегии захвата СССР. Но как мы видим, таких планов у Гитлера не было. А как же, спросят, план «Барбаросса»? Да, такой план был. Но для того же существуют Генштабы в разных странах, чтобы разрабатывать планы на все возможные и невозможные случаи.

У Японии, например, был план нападения на СССР, а они напали на США. У США был план ядерной бомбардировки СССР. Ну и что? Мы живем до сих пор. План «Барбаросса» существовал, Гитлер даже его подписал, как Директиву № 21. Заметьте, Директива не первая и даже не десятая, а только 21-я. Но случилось так, что Сталин к июню 1941 г. собрал на западной границе почти пяти-миллионную армию. Зачем? (В. Суворов. Ледокол. День «М».)

*И вот опять в тумане сизом
Составы тайные идут,
И коммунизм опять так близок,
Как в девятнадцатом году.*

Это перед войной пишет Кульчицкий. Здесь скорее не столько поэзия, сколько факты жизни, которые поэт наблюдает или о которых слышит.

Это обстоятельство (не стихи, а концентрация войск) заставляет Гитлера нанести превентивный удар. Таким образом, Директива № 21 превращается в Директиву № 1. И сразу – ошеломляющий успех. Около трех миллионов только военнопленных и бесчисленное количество трофеев. Остатки Красной Армии отступают. В сентябре 1941 г. немцы в пригородах Ленинграда. Генералитет торжествует.

Вот здесь, где-то в августе 1941 г. у Гитлера происходят принципиальные расхождения со своим генералитетом. (В. Карпов. Полководец.)

Гитлер считает превентивный удар вынужденным отклонением от главной стратегической цели – Индии. Он предлагает основные силы армии повернуть к Волге, к Сталинграду. Мы уже знаем, что скоро в дело должна вступить Япония. В Северной Африке Роммель вместе с итальянцами уже ведет наступательные операции. Как говорил Наполеон, тот, кто владеет Египтом, владеет Индией. Сам Гитлер ведет переговоры (правда, безуспешные) с испанцем Франко о штурме Гибралтара. Надо закрыть для англичан свободный проход в Средиземное море. Одним словом, Гитлер пытается для решения своих стратегических целей задействовать всех своих союзников на всю мощь. На очереди еще и Турция. В 1942 г., когда армия пойдет к Сталинграду, Гитлер параллельно будет вести еще наступление на Кавказ, чтобы втянуть в реализацию своей стратегии еще и осторожных турок.

В августе-сентябре 1941 г. генералы решительно не принимают подобной стратегии. Генералы хотят

успех превентивного удара использовать максимально. Они никак не могут понять Гитлера: зачем отказываться от удачи, которая сама идет тебе в руки? Зачем идти в пустыни Средней Азии, в тропики Индии? Зачем искать себе сильного соперника, как Великобритания и США, когда пред тобой слабый? Зачем связывать свои планы с союзниками, которые в любой момент могут предать? Одним словом, генералов-аристократов не могли не раздражать сумасшедшие, как им казалось, планы Гитлера. И вообще. Кто он такой? Не удавшийся художник, плебей, ефрейтор, который возомнил о себе, что он гениальный дипломат и стратег.

А тут еще СССР, который разваливался на глазах и который своей слабостью как бы провоцировал генералов. Трудно все-таки удержаться от соблазна и не воспользоваться слабостями противника. А они налицо.

Сталин, кстати, такой же плебей, как и фюрер, зачем-то репрессировал более 40 тысяч командиров, включая трех маршалов.

В СССР низкий уровень жизни, поэтому у простых людей нет никаких стимулов что-то или кого-то защищать.

В СССР глубокий общественный раскол. После коллективизации люди озлоблены друг на друга.

Власти в панике бросают в бой ополченцев. Это совсем необученные военному делу люди. Они плохо вооружены, у них даже формы нет. У этих русских всегда чего-то не хватает.

Так думали генералы. И еще они видели с каким безразличием солдаты сдаются в плен. Их это очень удивило. Но и об этом чуть позже. Закончим сначала рассказ об отношениях Гитлера и генералитета.

Когда в августе-сентябре 1941 г. генералы высыпали на голову Гитлера ворох этих и других фактов, он вынужден был уступить, как мы сейчас знаем, временно. К тому же главнокомандующим сухопутными войсками был тогда не он, а генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич. Наступление на Москву продолжалось. Генералы совсем забыли об опыте Наполеона, об опыте поляков. Произошло головокружение от успехов, так сказать.

Тайны

Итак, наступление на Москву продолжалось. Вот здесь начинается самая, пожалуй, таинственная страница войны.

Мы уже говорили о том, что Гитлер согласился со своими генералами, но... временно. Сейчас ему надо аккуратно организовать крупное поражение своим генералам, чтобы вырвать у них командование сухопутными войсками. Такое поражение трудно организовать без Сталина, а тот совсем что-то растерялся. Хочет бежать из Москвы, взорвать метро, собирает ополчение из ученых и артистов, вообще с испугу готов надеть много глупостей. Но кроме него в СССР вообще не с кем разговаривать. Поэтому его опять надо сделать своим союзником, как в 1939 г. Тогда заключение Договора

с ним помогло начать войну с Польшей и добиться таким образом, чтобы Великобритания и Франция объявили Германии войну. Получилось очень ловко, не Германия в 1940 г. напала на Францию, а Франция на Германию в 1939 г. Теперь этот Сталин снова нужен, но уже как тайный союзник. Гитлер начинает играть как бы шахматную партию, но когда он один за доской.

С одной стороны, какие-то таинственные силы вдруг начинают явно сдерживать наступление немецкой армии. В октябре армия вдруг словно застывает на реке Нара. И ни шагу вперед. Надо заметить, что река эта никак не может являться непреодолимым рубежом. Это не Днепр, до середины которого, как известно, редкая птица долетит. Те же, кто видел Нару, знает, что ребенок может перебраться через нее камень.

Итак, в двадцатых числах октября 1941 г. немцы подходят к р. Нара и на 1,5 месяца располагаются по всей ее длине (158 км.) от истока до устья. Это хорошо видно на карте. В течение полутора месяцев боевые действия на этом участке практически прекращаются. Действует только разведка.

Около устья Нары, там, где она впадает в Оку, расположен г. Серпухов. До города не километры, а метры, но их немцы за 1,5 месяца даже не пытаются преодолеть хотя бы ради того, чтобы перерезать в этом месте железнодорожную магистраль. В 1941 г. секретарем парткома станции Серпухов был Гришин. Впоследствии он станет почти на 20 лет первым секретарем МГК, членом Политбюро, а после смерти Черненко одним из претендентов, вместе с Горбачевым и Романовым, на пост Генерального секретаря. Соблазнительно было Гришину и его окружению представить события 1941 г. так, что под его руководством была организована оборона города. И враг не прошел. Что-то вроде деятельности Брежнева на Малой земле.

Нет. Ни в одном из своих многочисленных выступлений даже не упомянул об этом. Значит, было принято об этих страницах войны октября-ноября 1941 г. лучше не вспоминать.

Это было около Серпухова. А теперь поднимаемся вверх по реке и попадем в другой город. Это Наро-Фоминск. Здесь город разделяется рекой почти на две равные части – западную и восточную. Так вот, 23 октября немцы занимают западную часть города, а к его восточной части не проявляют никакого интереса. Такое стояние продолжается до 26 декабря (т.е. более двух месяцев). И это в 70 километрах от Москвы.

Что это?

Так вот. Армия то на Наре остановится, то вдруг начнет наступления на Рязань... на Липецк. Зачем? Это, с одной стороны.

С другой, начинается массированная переброска советских дивизий под Москву. И эта громада растягивается на тысячи километров по одной линии. И ни авиация немцев, которая в это время отчаянно бомбит даже Кремль, ни диверсанты, никто даже не

пытается помешать этому. А ведь переброска идет не один день, а несколько месяцев. И откуда этот мудрый Сталин знает, что Япония не нападет? И она действительно не нападает. И контрнаступление начал почти точно с нападением Японии на США. Все знал, все предвидел... но, несмотря на эти явные поддавки, гений наш ухитрился-таки положить в снега под Москвой более миллиона солдат и командиров. Точнее, не только под Москвой, а в Калининской (Тверской), Калужской, Смоленской, Тульской областях лежат до сих пор в лесах и болотах не захороненные кости тех, кто участвовал в этом контрнаступлении. Родственники их получили извещение: пропал без вести. От таких извещений шарахались. С такой отметиной в анкете ни образования приличного не получить, ни на работу хорошую не устроиться. Любой кадровик мог сказать: «Пропал без вести? А может, к немцам переметнулся? Враг, значит».

Вот такое было контрнаступление. Обезумев от свалившейся на него удачи, будущий Генералиссимус гнал солдатиков под огонь, хотя уже к февралю стало ясно, что наступление захлебывается. 5 марта 1942 г. был освобожден последний крупный населенный пункт – Юхнов, да только 20 апреля 1942 г. был отдан приказ о переходе к обороне, т.е. как раз в день рождения Гитлера.

Такой факт, на первый взгляд малозначительный. Медали «За оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда» были учреждены 22 декабря 1942 г., хотя оборона Ленинграда и Сталинграда тогда еще продолжалась, а Одесса и Севастополь были в то время вообще в руках немцев. Медаль же «За оборону Москвы» появляется только 1 мая 1944 г. Кстати, первоначальное ее название было «За разгром немцев под Москвой». Чувствуете разницу?

Ленинград, Одесса, Севастополь, Сталинград – города-герои. Это звание городам было присвоено в 1945 г. Москвы в этом списке, как видите, нет. Москва получила это звание только при Брежневе.

Значит, что получается. Советские историки, писатели, поэты поют о какой-то Московской битве, а вождь их аккуратно поправляет: не было ничего.

После того, как Сталин объявляет о начале контрнаступления, Гитлер тут же уже 8 декабря подписывает приказ о переходе к обороне, а 19 декабря отправляет фон Браухича и еще 30 генералов в отставку. Сам берет на себя командование сухопутными войсками. Таким образом, военная оппозиция разгромлена. Теперь ничто не мешает Гитлеру начать движение к Индийскому океану с целью помыть там свои сапоги. Не получилось. В Сталинграде случилась остановка. А потом все покатило под откос. Возможно, отправив оппозиционных генералов в отставку, Гитлер лишил себя опытных кадров. Генералы, типа Паулюса, были, наверное, классом ниже. А возможно, что время свое Гитлер упустил, потратив год на борьбу с оп-

08/2009

позицией. А год в условиях войны – это слишком много.

Еще о контрнаступлении

Итак, наступление немцев на Москву заканчивается по всему фронту в конце октября. Очевидно, по плану, в начале ноября Сталин должен был объявить о контрнаступлении, а Гитлер начать расправу со своими генералами, что и случилось в декабре, а должно было произойти раньше.

Конечно, Сталин боится говорить о контрнаступлении. Он боится своих генералов, он подозревает, что в них сильны еще обиды 1937–1938 гг., и как бы не придушили бы они его. Он пытается быть ласковым с Рокоссовским, интересуется его здоровьем (тот совсем недавно вышел из тюрьмы), звонит Коневу и тот, ошарашенный, слышит, что тов. Сталин – честный человек, что он виноват только в том, что доверился кавалеристам, встречает Жукова, прибывшего из Ленинграда, словами непривычными для Сталина: «У нас горе... у нас беда»...

Вдруг, вместо контрнаступления, устраивает парад на Красной площади. Что это? Заискивает перед военными? Может быть. Но надо еще официально объявить народу имя врага, который виноват во всем происходящем. Внутренний враг счастливо найден. Им оказываются какие-то «перепуганные интеллигенты», которые якобы преувеличивают опасность.

Кроме того, Сталин еще пытается выступить в роли пророка. Прямо с трибуны Мавзолея он заявляет, что «Германия лопнет под тяжестью своих преступлений уже в 1942 году». Здесь некоторые начинают подозревать, что старичок неадекватен. Эти «некоторые» также поняли, что власть вождя распространяется в данный момент не далее Кремля. Может возникнуть вопрос: почему эти «некоторые» не попытались перехватить власть? Ответ очевиден. Кому нужна эта власть, которая не распространяется далее Кремля. Решили подождать, что дальше будет. О несчастном народе, не единожды преданном, никому и в голову не приходило думать. Жуков, прослушав эту речь, посылает в Москву из Перхушкова порученца с целью узнать: «Где сейчас находится Верховный и, если смылся, то куда?» Может тогда и самому пора в бега податься.

У Гитлера в данный момент тоже была не простая ситуация. Если бы армия вошла в Москву, ему бы власть не удержать. Он, как сейчас говорят, «достал» генералов-аристократов своими безумными, в их понимании, планами похода в Индию. Они спали и видели, как бы выгнать этого недоучку-ефрейтора. Пусть пишет свои никому не нужные акварели.

Был в этой ситуации у Гитлера один шанс: во что бы то ни стало принудить Сталина к объявлению контрнаступления.

Создается анекдотическая ситуация. Генералы хотят взять Москву, а потом расправиться с ненавистным для них фюрером. Гитлер, естественно, ни-

как этого допустить не желает. Сталин, обезумев от страха, вообще никаких решений не принимает. Его окружение ждет, чем все это дело кончится.

В такой обстановке Гитлер начинает тонкую хирургическую операцию. Понимая, что сдержать наступление войск на Москву он не в силах, отдает приказ о наступлении войск на западе и северо-западе. Наступление начинается 15 ноября. 27.11. захвачен город Истра. Это менее 60 км от Москвы. По Волоколамскому шоссе разведка, не встречая никакого сопротивления, выходит к реке Сходня, недалеко от того места, где она впадает в Москву-реку. Это уже в границах современной Москвы. Сейчас недалеко станция метро «Тушинская». На северо-западе по Ленинградскому шоссе немцы выходят к Северному речному вокзалу (сейчас там станция метро «Речной вокзал»). На севере немцы берут Красную Поляну. Совсем рядом Лобня. Сейчас с Савеловского вокзала на электричке до Лобни минут 25 езды.

Наступает трагическая ситуация уже для Гитлера. Он чувствует, что не в силах больше сдерживать напор своих войск. Захват Москвы неизбежен. А Сталин молчит.

А великий вождь думает: «Бежать или не бежать в Куйбышев?». Впрочем, сейчас он уже четко понимает, что бежать некуда. По приезде в Куйбышев ему останется жить быть может несколько минут. Слишком много врагов он себе нажил в предшествующие годы. Выхода нет. Он отдает приказ о контрнаступлении. Ему уже не важно: поддержит армия этот приказ или нет. Но даже в этот момент (решающий для него) Сталин остается Сталиным, а именно – ничего не брать на себя. 6 декабря сообщение о контрнаступлении звучит по радио Москвы в рубрике «В последний час», но без ссылки на кого бы то ни было. Получается, что радиокomitee Москвы сам принял решение о контрнаступлении!

Контрнаступление 6 декабря, конечно, никакого не было, но было громкое заявление. Пока больше Гитлеру и не нужно было ничего. Это заявление дало ему возможность подтолкнуть Японию к войне с США (Япония ведь тоже все сидела и ждала: «Не ударит ли по нам СССР с севера. Они такие хитрые эти русские»). В ночь с 7 на 8 декабря авиация Японии бомбит флот США на Гавайских островах. Тут же 8 декабря Гитлер отдает приказ уже своим войскам о переходе к обороне на новых рубежах.

Вот только 8 декабря и начинается так называемое контрнаступление. Красная Армия начинает постепенно занимать оставляемые немцами позиции.

8 декабря освобождаются первые населенные пункты около Москвы: Лобня, Красная Поляна, Крюково. Все это до войны ничем не примечательные поселки, но сейчас об их освобождении сообщается как о взятии Берлина. В шоке, без преувеличения, весь мир. Запад, не понимая, откуда в нищей России нашлись силы противостоять мощи Германии.

Немецкие солдаты и офицеры не понимали, почему надо уходить (ведь были почти в Москве), считали этот уход предательством генералов. Разу-

меется, такие настроения в армии Гитлера вполне устраивали. Он их только подогревал, отправляя генералов в отставку.

Наши толком тоже ничего не понимали, чего это немцы вдруг побежали: «Морозов наших, видать, гады, испугались». Впрочем, особенно никто и не задумывался. Не наша, не русская эта черта – задумываться. Раз побежали, значит, догоняй и бей. Значит, Бог все-таки есть и он за Россию-матушку.

Правда, немцы недалеко от Москвы отбежали. Мы уже упоминали о линии фронта, которая проходила недалеко от Гжатска, недалеко от истоков Москвы-реки. На этой линии войска простояли до марта 1943 г. Это 150–160 км от Москвы.

В Калужской области, граничащей с Московской обл., на рубеже рек Жиздра (город Жиздра) и Болва (город Киров) немцы находились до июля-августа 1943 г. Это 250–300 км от Москвы.

В Орловской области на рубеже реки Зуша (город Мценск) противостояние продолжалось до июля-августа 1943 г. В нижнем течении река Зуша является пограничной рекой с Тульской областью. Это км 300 от Москвы. Отсюда продвижение наших войск на запад началось только после успехов в операции на Курской дуге.

О приказе № 227

Контакты, которые продолжались у Сталина и Гитлера в октябре 1941 г. (через посредников, конечно) и которые помогли Гитлеру избавиться от военной оппозиции, а Сталину избежать катастрофы, не прекращались и в 1942 г.

20 апреля, отдав приказ войскам под Москвой перейти к обороне, Сталин дал понять Гитлеру, что готов к переговорам. На эти переговоры Сталин возлагал определенные надежды.

Дело в том, что после 5 марта, когда был освобожден город Юхнов и до 20 апреля, т.е. почти два месяца, войска так и не смогли освободить ни одного сколь-нибудь значимого населенного пункта. Убедившись на практике, что предстоит долгая позиционная война в 150–200 км от Москвы, Сталин пытается найти какой-нибудь выход из создавшегося положения в переговорах. Гитлер, в свою очередь, в случае успехов на переговорах рассчитывал без боев пройти к Сталинграду.

Итак, переговоры начались. Точные даты и конкретику этих переговоров можно будет узнать только после открытия архивов, но период, когда они проходили, можно указать довольно точно: это после 20 апреля и до 28 июля. Почему именно до 28, а не, скажем, до 29? На этот вопрос мы ответим несколько позже, а пока о самих переговорах.

Ясно, что Гитлер, воспользовавшись тем, что Сталин выступил с инициативой переговоров, выдвинул такие условия, на которые вождь ну никак не мог согласиться. Условия эти были похожи на ультиматум. Хотя, если переговоры продолжались почти 3 месяца, он пытался все-таки добиться каких-то уступок.

То, что так долго Сталин вел переговоры, несмотря на всю свою амбициозность, говорит о том, что мир ему был необходим, так как он совсем не верил (в то время) в возможность СССР продолжать какие-либо боевые действия.

В то же время, если Сталин прервал переговоры 28 июля, значит, никаких уступок от Гитлера он не добился, а принять его условия не мог, потому что эти условия были равнозначны поражению для него лично. Гитлер оставил ему только один шанс: продолжать войну.

Сталин не верил в этот шанс, потому, что не верил армии, не верил народу, которым с охотой согласился руководить в апреле 1922 г. Но не погибать же одному? Пусть всем будет не сладко.

Вот тогда появляется приказ № 227 «Ни шагу назад». Об этом приказе много писали. Одни говорили, что это жесточайший приказ (как будто другие его приказы были верхом гуманизма), другие, что такой приказ был очень даже рациональным, без него нам бы Сталинград удержать не удалось, да и вообще войны не выиграть. На самом деле, приказ № 227 – это эмоциональный срыв. В каждом слове приказа звучит бессильная ярость от неудачи на переговорах (ведь сам себя Сталин считал, без сомнения, выдающимся дипломатом), в каждом слове звучит только обычное лагерное: «Умри ты сегодня, а я завтра»... когда-нибудь.

Какие же условия выдвинул Гитлер? Что вызвало у Сталина такую неопишемую ярость?

Ну, например, на западе новая граница СССР предлагалась по реке Великой и далее на юг от города Орша по Днепру вниз до Киева. От Киева по реке Десна, потом по ее притоку Сейму. От истоков Сейма до Воронежа и далее по Дону. А там, через Сталинград и Волгу, через среднеазиатские республики в Афганистан, в Индию.

Даже беглый взгляд на карту показывает, что это значит.

Вот такой план предложил Гитлер, зная, что Сталин наверняка с ним не согласится. Тем не менее, со многими положениями этого договора Сталин вынужден был согласиться. Он даже отдал приказ (приблизительно 6 июля) об отводе войск, находящихся на правом берегу Дона. Мы много слышали о приказе № 227, но об этом приказе...

Об этом приказе есть глухое упоминание в повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Вот как начинается повесть: «Приказ об отступлении приходит совершенно неожиданно. Только вчера из штаба дивизии прислали развернутый план оборонительных работ... Утром звонили из штаба дивизии – “Приготовиться к встрече фронтового ансамбля песни и пляски”» Далее в повести описание беспорядочного отступления к Сталинграду. У Шолохова мы тоже узнаем об этом приказе: «Вечером оборонявшееся соединение получило приказ об отступлении на левую сторону Дона» («Они сражались за Родину»). Тут важное уточнение. Приказ не об отступлении вообще, а об отступлении на ле-

08/2009

вый берег Дона. То, что это не художественный вымысел, а факт, можно убедиться, взглянув на карту войны за 1942 г. На карте видно, что освобождается дорога Гитлеру к Сталинграду, а территория, находящаяся к северу от Дона его не интересует.

Когда вскоре звучит требование Гитлера пропустить войска через Сталинград, вот тогда и появляется приказ № 227, как крик: «Нет!».

Услышав этот крик, Гитлер решает, что теперь он уж точно додавит этого перепуганного грузина. И, наверное, добавил бы, не вмешайся в это дело Черчилль. В августе тот прилетает в Москву и угрожает Сталину не отказываться от сопротивления Гитлеру, иначе Великобритания погибнет.

В конце концов, Гитлер убеждается, что «эта жирная свинья» Черчилль может переиграть его, да к тому же и лето кончается.

23 августа он отдает приказ о массовой бомбардировке Сталинграда. В этот день начинается Сталинградская битва. Этот день становится началом конца всей гитлеровской стратегии. Здесь заканчивается начальный период войны.

Судя по всему, 23 августа Гитлер об этом даже не подозревал, так как Красная Армия в его глазах не представляла теперь вообще никакой угрозы.

Как позднее выяснилось, зря он так полагал. Но кто же знал, что Россия – страна чудес. «Надо было знать», – сказал бы Остап Бендер.

Сталинградская битва, или Почему победили в Сталинграде?

Был организован так называемый «конвейер смерти». Ежедневно в Сталинград через Волгу перебрасывали дивизию. Дивизии хватало на день, от силы на два. Многие гибли уже при переправе, не успевая попасть на правый берег.

Но для командования это было не страшно. Конвейер работал безостановочно, поэтому всегда под рукой была почти свеженькая дивизия.

Дивизия – это 10–15 тыс. человек. Как сообщают советские историки, битва продолжалась 200 дней. Не знаю, в каком составе были те дивизии. Ну, положим, 10 тысяч. Умножаем на 200, получаем 2 млн. чел. Если 15 тысяч, то соответственно 3 млн. Но ведь в Сталинграде действовала не только пехота, были и артиллерия, и авиация, и танки. Были части, отошедшие к Сталинграду от Дона. Сколько же всего погибло людей? На этот вопрос наша история ответа не дает.

Наша история сообщает о потерях Германии в Сталинграде: 1,5 млн. чел. Но это убитыми, ранеными, взятыми в плен, пропавшими без вести.

Итак, 1,5 млн. А у нас только убитыми больше 3 млн. получается. А сколько солдат калеками остались на всю жизнь? Это надо 3 млн. на 2 умножить. А может быть на 3? Было еще 0,5 млн. местных жителей, которых не эвакуировали. Так сколько же всего потеряли в Сталинградской битве убитыми, искалеченными, пропавшими без вести? У меня рука не поднимается написать окончательную цифру.

Сами считайте... Подсчитали? Теперь вы понимаете, почему победили?

После Сталинградской битвы, которая, как известно, закончилась 2 февраля 1943 г., благодарность Верховного своим солдатам не знала границ. Уже 3 февраля все они были переведены с фронтного пайка на тыловой.

За форсирование Днепра – это конец 1943 г. – звание Героя Советского Союза получили 2 438 человек. За Сталинградскую битву – около 100 чел. Так сообщается во многих справочниках: около 100 человек. Не нравилось что-то тов. Сталину. Обижен был. Плохо воевали.

Теперь поговорим о генералах. А.И. Еременко (1892–1970)

Этот генерал остался как бы в тени в истории войны, хотя с ним связаны самые трагические ее моменты.

Октябрь 1941 г. Немцы стремительно движутся к Москве, и ничто, и никто остановить их не могут. Катастрофа неизбежна. В США считают, что до падения режима остаются считанные дни, и готовятся сформировать правительство России в изгнании. Бывший премьер Временного правительства Керенский приглашен к Президенту США и тот предлагает ему занять пост Председателя этого правительства.

В это время Еременко – командующий Брянским фронтом – получает информацию о том, что Гитлер не заинтересован во взятии Москвы. Информация эта кажется генералу настолько нелепой, что Еременко даже не передает ее в Москву.

Через несколько дней он был ранен. Его перевозят в госпиталь, который располагается на территории Тимирязевской сельскохозяйственной Академии. Здесь он узнает, что Москва готовится к сдаче, в Москве – паника. Тогда он просит аудиенции у Сталина. Тот сам приезжает к нему. Еременко сообщает об информации, полученной несколько дней назад.

Сталин подробно расспрашивает его об источнике информации, пеняет на то, что сразу не сообщил ему об этом, (пеняет, но по-дружески), желает генералу скорейшего выздоровления.

Встреча с Еременко оказывается определяющей. Сталин приезжает на станцию «Москва-товарная», где стоит готовый к отправлению состав, и наотрез отказывается уезжать из Москвы, хотя и не отменяет решения об эвакуации правительства.

«Вы поезжайте, а я здесь останусь» – говорит он в кабинете начальника станции опешившему окружению. Окружение, таким образом, было застигнуто врасплох. Люди не знают, как поступить, подозревают какой-то подвох. Некоторые бросаются на колени: «Товарищ Сталин... да мы за тебя... за Вас... последнюю рубашку»... Сталин устало машет рукой: «Поезжайте, поезжайте».

Тут же отменяется приказ о взрыве метро (метро не работало только сутки). Далее Сталин приезжает к себе на Ближнюю дачу и приказывает разминировать ее... Ну вот.

Вновь на исторической сцене Еременко появляется уже в августе 1942 г. По 2 февраля 1943 г. он последовательно возглавлял три фронта: Юго-Восточный, Сталинградский и Южный. На самом деле, он возглавлял только один фронт (Сталинградский), который только менял названия.

Сталинградская битва в описаниях советских историков – это «блестящая победа советского оружия» (19 ноября отмечался в СССР как день артиллерии), «в Сталинграде сломали хребет фашистскому зверю», «Сталинград – это переломный момент во второй мировой войне». Все это так, но очевидно, что сам Сталин относился иначе к Сталинградской битве.

Сталинград мог стать концом его политической карьеры, не было никаких гарантий, что город не будет сдан, были моменты, когда его судьба висела просто на волоске. Сталинград – это лишнее напоминание о том, что Красной Армии пришлось отступить до Волги. Воевать малой кровью и на чужой территории – не получилось. Наоборот, Сталинград стал гигантской мясорубкой, которой не знало еще человечество.

Кроме того, если бы немцы взяли Сталинград, тогда советскому правительству пришлось бы присоединиться к тройственному пакту – Германия, Италия, Япония.

Попытку вовлечения СССР в этот союз Гитлер предпринял еще в ноябре 1940 г. во время визита Молотова в Берлин. Был составлен проект секретного протокола № 1, где в пункте 4 говорилось: «Советский Союз заявляет, что его основные интересы лежат к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана (Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. – М.: Московский рабочий, 1991, с. 284).

Тогда Молотов уклонился от подписания этого протокола. После взятия Сталинграда уклониться бы не получилось. И пошла бы Красная Армия в Индию.

Так вот Еременко, который находился в эпицентре всех этих страшных событий, оставался немым укором в глазах Сталина. А вождь не любил таких свидетелей своего позора. Поэтому в истории войны он остался как бы в тени. Героя Советского Союза получил только в июле 1944 г., а Маршалом Советского Союза стал уже при Хрущеве. Приходится удивляться, что живым остался. Например, генерал Гордов, командующий Сталинградским фронтом до Еременко, был расстрелян в 1951 году.

Зороастризм и походы в Индию

Как-то так сложилось в головах большинства, что до Христианства господствовало Язычество. На самом деле, еще в первом тысячелетии до нашей эры на Востоке возник зороастризм, религия с одним богом по имени Ахурамазда, с пророком Заратустрой и священной книгой Авеста. Авеста, в отличие от Библии, считает богоизбранным народом ариев, а не евреев.

Вот почему нацисты так ухватились за этих ариев. Вот почему так важно было им доказать, что германцы являются потомками ариев. И не важно, правда это или нет – важно заявить об этом на весь мир. Хотя, конечно, хотелось им, чтобы эта теория выглядела более-менее правдоподобно. Ведь искали же до войны спецотряды какие-то тайны в Тибете.

Если германцы являются потомками ариев, то захват Индии – это не грубая оккупация английской колонии, а освобождение земли своих предков. То есть поход в Индию готовился не только в военном отношении, но и в идеологическом.

В 1935 г. Персия, желая примкнуть к Гитлеру, переименовала себя в Иран, т.е. в переводе «страна Ариев». Поэтому в 1943 г., после Сталинградской битвы, Рузвельт, Сталин, Черчилль собрались именно в Тегеране. Надо было показать всему миру, что в стране ариев, именно они решают судьбу арийцев.

Лирическое отступление

Почему жизнь в России всегда такая, мягко говоря, не веселая. А если и веселая, то обязательно «со слезами на глазах»?

*И куда – не знаем сами, –
Словно пьяные бредем.*

М. Исаковский

Вечное противоречие. Государство для человека или человек для государства. Впрочем, в России оно как бы не существует. Кого ни спроси, все государственники, все державники. «Мне за державу обидно» – эти слова известны каждому и произносятся с уважением. Напротив, словосочетание «права человека» встречается, в лучшем случае, с насмешкой, часто с раздражением и даже с презрением и злобой.

Это кажется странным. На протяжении столетий российское государство никогда не заботилось о своих гражданах, наоборот, всегда нещадно их эксплуатировало. Что стоит одно только крепостное право. А коллективизация и индустриализация, бесконечные войны, которые вела Россия. Солдатскую массу использовали самым варварским способом. Каждая война для России (даже победоносная) заканчивалась большим количеством убитых и калек. Последних государство всегда бросало на произвол судьбы. А уж о безнаказанности российских чиновников не знают разве только младенцы. Такой портрет российского государства сложился на протяжении столетий.

Но все равно народу хочется, чтобы было сильное государство (под силой понимается военная мощь), и чтобы нас все боялись. Когда нас перестают бояться, тогда нам за державу обидно. За державу обидно, а за себя не обидно? Получается, что до решения вопроса в пользу формулы «государство для человека» мы также далеки, как и в XV в., к моменту падения татаро-монгольского ига. В чем здесь дело? Существует алкогольная зависимость,

08/2009

существует наркотическая зависимость и пр. И не всегда специалисты могут помочь.

В России существует (на генетическом уровне) зависимость от государства. Человек страдает от наркотиков и не может их не использовать. Народ страдает от государства и в то же время часто здоровые и жизнь свою готов положить, чтобы защитить какой-нибудь преступный режим.

Что тут можно сделать? Возможно ли освободиться от этой зависимости?

Формула «государство для человека» неприятна нам, как неприятно алкоголику, когда у него отнимают право выпить «последнюю» рюмку.

Диссиденты, которые боролись за «права человека» оказались чужды народу, народ их не принял, они для народа враги, разрушившие СССР.

Один бывший диссидент, прошедший многие годы в тюрьмах, лагерях и психушках, вспоминает, как на допросе в КГБ следователь однажды сказал ему:

– Как Вы не понимаете. Арестовывая, мы защищаем Вас. Если мы отдадим Вас народу, он разорвет Вас на куски.

– Тогда я, конечно, не поверил следователю. Сейчас я понимаю, что, к сожалению, мой следователь был прав.

Итак, формула «государство для человека» враждебна народу. Но вдруг народ (это тоже осо-

бенность народа, подмеченная еще Достоевским, делать что-то «вдруг») может и согласиться с этой формулой, как с неизбежным злом.

Правда, никому не известно, когда произойдет это «вдруг» и произойдет ли вообще. Но произойти может. А почему бы и нет. Ведь в жизни всем нам, без исключения, (от олигарха до бомжа) приходится соглашаться с тем, что, ну никак неприемлемо для нас: с наследственными болезнями, например, старостью, со смертью, наконец. Что здесь поделаешь? Ну, так уж жизнь устроена.

В случае согласия с формулой «государство для человека» мы тоже ничего особенно не получим. Будет серая, унылая жизнь, как в какой-нибудь задрипанной Швейцарии. Шутка. Но не будет, правда, бесконечных общественных и государственных потрясений, будем, наконец, за свой труд получать нормальные деньги и сможем за счет этих денег обеспечивать благополучие свое и своей семьи. Напомню, что в нашей жизни это удастся очень немногим.

Кто-то из философов сказал: «Задача заключается не в том, чтобы создать рай на земле, а в том, чтобы не превратить жизнь на земле в ад».

Вы подумайте. А мы ещё продолжим наше печальное повествование.

Юрий Кулиш

Из пережитого

1942 ГОД

Жаркий, солнечный день 8 августа 1942 года в городе Майкопе на Северном Кавказе казалось не предвещал ничего страшного.

Прошло уже 7 дней как я 10-летний мальчик с мамой – учительницей средней школы пришел пешком домой из совхоза «Труд», где мы вместе с учениками её школы 12 дней помогали убирать (точнее разгружать) подвозы с намолоченной пшеницей.

Начавшаяся в последние дни июля странная информационная «тишина» в окружающем нас мире очень взволновала мою маму и побудило ее сказать подопечным ребятам (им было по 15–16 лет), что нужно расходиться по домам, а так как пассажирские поезда внезапно перестали ходить, то идти надо пешком примерно 35 км напрямиком до нашего города.

Встав в 5 часов утра 1 августа мы за 10 часов преодолели по жаре этот путь и в 3 часа дня были дома усталые, голодные, но счастливые.

По дороге проходя станицу Келлермескую, мы остановились попить воды из колодца, который был рядом со станичным советом. На пороге совета стоял невысокого роста паренек лет 16-ти и с озабоченным видом рассматривал державшую в руке бумажку.

Бумажка эта была мобилизационная повестка – его призывали в действующую армию.

«Сколько же тебе лет?» – спросила паренька моя удивленная мама. Он ответил, что семнадцать. Много лет спустя, разговаривая с участником войны жившим в этом регионе, я узнал, что и его и многих других ребят 17-летних, или не достигших 18-летнего возраста, военкоматы забирали в армию досрочно с тем, чтобы они не остались на территории оккупированной немцами.

В нашем городе шли осторожные слухи (официальные власти молчали) о том, что с севера от Ростова идут немцы (именно немцы, как говорили тогда, а не немецкие войска), да и на улицах города (я это видел своими глазами) стали попадаться пьяные вдрызг люди в матроской форме (видимо из бомбардировочного полка ВВС Черноморского флота базировавшегося в городе), а также растерянные деморализованные армейские командиры, многие из которых (по их словам) попали под маскированную бомбежку немецкой авиации в городе Армавире.

За несколько дней до 8 августа я с соседскими ребятами сидел днем около проходной мебельного завода под кленами и смотрел на средних лет крас-

ноармейца, поговору – украинца, который рыдая и захлебываясь от слез рассказывал всем как на его глазах (на Украине) под мостом от немецкой бомбы погибли его жена и дети.

Он также громко кричал, что большое военное начальство предало бойцов Красной Армии, отстранилось от руководства войсками, и красноармейцами на фронте руководят только командиры с «кубиками» на петлицах, то есть лейтенанты.

Я слушал красноармейца со страхом, а сидевшие ребята моего возраста (10–11 лет) не очень реагировали на эти крики, молчали, а девочки плели из листьев клёна венки и пели «Тихую сторожку на краю пути» – известную тогда советскую лирическую песню.

Всю эту ситуацию я помню прекрасно, будто бывшую вчера: ласковое лето, зелень кленов, заплаканную, крупную с темными усами физиономию красноармейца, пение девочек и предчувствие надвигающихся страшных событий.

Кто он, этот красноармеец – провокатор, сеющий панику среди населения, или деморализованный боец Красной Армии?

Известно, что немцы в периоды своих наступлений, активно забрасывали к нам в ближайший тыл подготовленных провокаторов и мелких диверсантов из числа завербованных советских военнопленных, так что вполне возможно, что предо мной был один из таких.

В этот же тревожный для меня день разнесся слух о прибытии на варенье варочный заводик железнодорожной 50 тонн цистерны с патокой, и сбегавшийся народ пытался завладеть патокой для личных нужд (сахара в магазинах города не было с 1940 года).

«Бежим туда, посмотрим» – крикнул соседский мальчик Толя и мы «рванули» на заводик, который был от наших домов на расстоянии не более 500–600 метров.

Подбежав, мы увидели толпу человек 50–60 взрослых людей, в основном женщин и стариков, осаждавших цистерну и вырывающих из рук работников завода емкости с патокой.

Крик, шум, почти драка.

В толпе я увидел трех парней лет 16–17 хулиганского вида, подстрекающих толпу к активным действиям.

Вдруг один из этих хулиганов полез наверх цистерны, открыл крышку горловины и втиснулся внутрь цистерны.

Оказалось, что патока уже вся выгружена и цистерна пуста, о чем и поведал этот хулиган толпе, выбравшись вскоре из цистерны, снимая руками с волос шматки густого, липкого серого вещества – патоки.

Все смеялись, смотря на этого парня, но через минуту стало не до смеха всем: раздался гудок автомобиля, толпа расступилась давая дорогу легковому автомобилю «пикап» с вооруженными винтовками бойцами, прибывшими вероятно от

коменданта города по телефонному звонку от завода.

Толпа стала торопливо расходиться, трех хулиганов арестовали, посадили в «пикап», повезли в центр города под охраной.

«Эти ребята выкинут охрану (2 бойца) на ходу из машины и убегут» – радостно сказал старик, стоявший около меня, олицетворяя этим возгласом вековую нелюбовь русского народа к официальной власти.

Так я увидел впервые в своей жизни попытку грабежа среди белого дня при наличии властей в городе.

Но вернемся к событиям 8 августа 1942 года.

Дело шло к вечеру, когда внезапно в небе появилась группа (кажется 6 штук) двухмоторных самолетов по которым открыли сильный огонь зенитки, расположенные на аэродроме.

Самолеты стали кружиться на высоте не более 1000 м сбоку от аэродрома и очень близко от нашего дома, так что я впервые увидел черно-желтые кресты на их крыльях сильно закопченных в районе двигателей.

Это были возможно Юнкерсы-88.

Самолеты вели себя мирно, не бомбили, не стреляли, продолжали кружиться, несмотря на обстрел, и, казалось, ждали когда же им разрешат наконец, посадку на аэродроме.

До сих пор мне неясно, было это кружение самолетов случайным, или спланированной операцией по отвлечению наших зенитчиков от немецких танков в этот момент скрытно по кукурузному полю подошедших к аэродрому и железнодорожной станции.

Так это или не так, но немецкие танки без боя вошли в город, посеяли панику среди жителей, захватили в плен красноармейцев «мирно» и возможно без оружия грузивших вагоны на станции, а самолеты тем временем как по мановению волшебной палочки без вреда совершили посадку на аэродроме.

Вот она немецкая организация боевых действий!

В это время уместно рассказать о трагедии советского военного командира развернувшейся перед нашими глазами.

Дело в том, что днем к соседям, а точнее к привлекательной женщине явился старший лейтенант (назовем его Иван Васильевич, так как его настоящие имя я забыл) командир воинской части той самой которая «мирно» грузилась на станции. Я прекрасно помню его новенькую форму, три блестящих «кубаря» на петлицах, а главное оружие которое он имел при себе. А имел он немало, автомат ППШ с круглым диском, пистолет «ТТ», револьвер системы «наган» и гранату РГД с оборонительным чехлом.

Пистолет и револьвер он разрядил и отдал их нам, ребятам, играть, а сам любезничал с женщиной сидя под тутовником. Эту идиллию нарушил прилет немецких самолетов и Иван Васильевич заторопился к своей части на станцию, но уже было поздно: через забор мебельного завода в панике с крика-

08/2009

ми: «Немцы идут по Краснооктябрьской улице», лезли рабочие.

Бедный Иван Васильевич, он с оружием бросился со двора и пропал для нас навсегда.

Судьбу его можно предположить двояко:

– или он побежал навстречу немцам, несмотря на бегущих навстречу в панике людей и тогда погиб или попал в плен;

– или побежал со всеми назад, вышел из города присоединился в лесу к партизанам или к чужой воинской части, где в конечном итоге ему пришлось бы отвечать в особом отделе, как он попал сюда, где его воинская часть. Штрафная рота, а может быть расстрел Ивану Васильевичу, были обеспечены.

Быстро наступила темная августовская ночь, полная далеких криков, взрывов, выстрелов, подозрительных шорохов; пережитые события явно не располагали ко сну, но я со своими домашними с трудом уснул.

Ранее утро 9 августа встретило нас своеобразным трудно передаваемым гулом. Я выглянул на нашу немощную улицу и первое, что увидел – это немецкого запыленного мотоциклиста в очках на полной скорости летевший по ухабам. Это был конечно связной, везший наверное распоряжения командования передовому отряду 13 танковой дивизии Вермахта, занявшей наш город.

Вскоре стало ясной причина гула: близь лежащие улицы были заполнены двигающимися или стоящими автомобилями многих марок, вездеходами, тягачами и даже автобусами. Наш город никогда не видел такого огромного количества автомобильной техники.

Грунтовая черноземная дорога, ведущая в город (которую я видел несколько позже) блестела на солнце как новенький асфальт: так она была накатана прошедшей немецкой техникой. Никто не шел пешком, даже коров, предназначенных на убой, везли немцы на грузовых машинах.

К сожалению, я не увидел немецких танков, они расположились на центральной улице сравнительно далеко от нашего дома и nasledующий день они были выведены из города. Такая мощь немецкой армии ошеломляюще поразила всех нас, только на днях, видевших разрозненно отступающих пешком деморализованных измученных советских бойцов.

Видя все это, некоторые взрослые люди плакали. Да, названные в советской военной литературе боевые действия наших войск на Кавказе летом 1942 года оборонительными по крайней мере в июле-августе указанного года были похожи на беспорядочное бегство, а не на оборону.

Итак, мы внезапно без предупреждения оказались во власти немецкой фашистской армии, поэтому нужно было как-то выживать, позаботиться о продовольствии и топливе на зиму.

Немцы, к нашему удивлению, вели себя очень корректно, даже в какой-то мере дружелюбно. Видимо легкость бескровных побед последних дней настраивала их на такое обращение. Они ничего не

брали без спросу, охотно располагались в домах на ночь, не приставали к женщинам.

Мне хорошо запомнилось как внезапно открыв калитку на наш участок (наша хата была в глубине) появились трое немецких солдат без оружия, наверно возвращающиеся из отпуска, изъявивших желание переночевать у нас. Видимо им понравился наш дворик в цветущих астрах.

Вдруг на кепи одного из немцев я увидел череп с перекрещенными костями! Эсесовец. (Возможно он был не немец, а норвежец или голландец, которые служили добровольно в дивизии «СС», «Викинг» являющейся единственным формированием войск «СС» действовавшим тогда на Северном Кавказе.)

Но он, здоровый парень, вел себя очень тихо в отличие от напарников, которые громко смеялись ужиная.

Наутро они покинули наш дом, оставив пакетик с заварным кремом и монету в 50 пфеннигов, что это символическая благодарность за ночлег или немецкая порядочность, кто знает?

Через несколько дней отчаянно залаял, посаженный на цепь наш пес по кличке Веселый (все собаки должны быть на привязи гласило первое обращение коменданта города к населению), отзываясь на сильный стук в калитку. Мама открыла ее и перед ней предстал высокого роста молодой красивой внешности фельдфебель – полевой жандармерии с нагрудной бляхой на цепи. На ломанном русском языке он объявил, что будет только спать в нашем доме, кушать не будет и очень рано должен уходить на работу. Много «работа» сказал он.

Конечно много! На этих днях, как мы узнали потом, прибывшая в город тайная полевая полиция под руководством хауптштурмфюрера «СС» Курта Кристмана (Христмана) приговорила к расстрелу не менее 200 советских людей, в их числе были коммунисты и евреи, а приводить в исполнение приговор возлагалось на полевую жандармерию.

Много позже, чтобы не травмировать мою психику, мама рассказала мне, как толпу осужденных вели на казнь, окруженную жандармами с собаками. В этой толпе был и наш знакомый зубной врач, еврей Моисей по ошибке оставшийся в городе; его жену Нину Ивановну – русскую, не тронули.

Наш постоялец, звали его Герман, сильно утомленный приходил вечером после «работы», снимал бляху, сапоги, ложился на кровать, долго курил и засыпал до утра. Очень скоро, утром за ним пришла автомашина. Во двор вошли: пожилой коренастый жандарм с резиновой палкой в руке и шофер – молодой бледный русский парнишка – военнопленный. Мама тихо спросила парня: как ему живется, он грустно ответил, что не очень. Ему нежелательному свидетелю «деяний» карателей скорее всего была уготовлена в будущем смерть от его теперешних хозяев.

Герман сел вместе с прибывшими в машину и уехал.

Сделав свое дело, полевая жандармерия передислоцировалась в недавно захваченный немецкими войсками Краснодар.

Что можно рассказать о действиях немецких властей и о нашей жизни в городе за почти полугодовой период оккупации?

Сначала были вывешены объявления о выполнении всех требований немецкого коменданта, за невыполнение – расстрел. Отдельно было вывешено обращение к военнослужащим Красной Армии вешавшее примерно так:

«Бойцы и командиры РККА! Бросьте бесцельное бродяжничество, сдавайтесь германским войскам, вас ждет хорошее обращение и т.п., пароль: штыки в землю «(ШВЗ)».

Всем евреям приказывалось зарегистрироваться, носить на рукаве звезду Давида (вскоре они все были расстреляны). Через несколько дней мы заметили большую группу немцев (человек 25–30) одетых в светло-коричневую форму без погон с красными повязками на левых руках со свастикой в белом кружке. Все эти люди были на велосипедах, разъезжали по улицам города, изучая промышленные предприятия. Приехали они на наш варенье – варочный заводик. Оказывается, это была своеобразная инвентаризация (учет) предприятий, поступивших во владение германской администрации.

Взрослое работоспособное население, попавшее в оккупацию не по своей вине, вынуждено было искать работу, чтобы как-то прожить, иметь пропитание не вызывая подозрения у немецких властей.

Примерно через 1,5–2 месяца все работающие стали получать на предприятиях хлеб из горелой пшеничной муки по установленной норме, функционировала аптека, толкучка, парикмахерские (частные) и, что совсем странно школа с 4-х классным обучением, в которой кроме чтения, письма и арифметики обязательно преподавался немецкий язык.

Я учился в такой школе. Она располагалась в частном доме в одной большой комнате, преподавателей было двое: одна учительница обучала общим предметам, другая – немецкому языку.

Учились мы по нашим советский учебникам, из которых нас заставляли вымарывать чернилами все относящееся к советской власти.

Школа перестала существовать примерно дней за 7–8 до прихода Красной Армии.

Незавидная судьба учителей, учивших нас. Очень скоро после прихода советских властей, они были вызваны «куда следует» где им было объявлено, что они больше не могут преподавать в школах и должны приобрести себе новую профессию. Слава Богу, что их не посадили в лагеря на 10 лет за сотрудничество с немецкими оккупантами. А вот нашему знакомому пожилому учителю русского языка Б., явно не повезло.

По его рассказу моей маме, он неожиданно был вызван в городскую управу, где ему предложили стать главным редактором газеты на русском языке, намечаемый к выпуску в городе.

Все его отказы под благовидными предложениями от оказываемой чести стать редактором не были приняты, а сидящий рядом с членом управы не-

мец в форме, вдруг грозно спросил на русском языке, обращаясь к учителю: «Вы, что не верите в новый порядок, устанавливаемый фюрером Великой Германии?!» Что возразить после такого вопроса?

Он стал редактором. Мы получали эту газету на одном листе (наименование ее не помню) за его подписью, которая выходила несколько месяцев и печатала помимо местных новостей, информацию о боевых действиях германских войск, о гибели немецкого летчика-аса, о подарке белого коня Гитлеру адыгейцами, а также о расстреле английскими колонизаторами народных демонстраций в Индии и некоторые другие материалы. Все это я, ученик 3-го класса, читал сам.

Ну, а что стало с редактором?

Не согласившись на эвакуацию, он остался дома с семьей и был осужден на 10 лет лагерей за сотрудничество, спасибо, что власти пожалели пожилого человека, не расстреляли!

Другой наш знакомый и сосед, тихенький, скромный пожилой учитель (сын уездного предводителя дворянства) вдруг объявился судебным гражданским следователем в управе и вызвал мою маму на допрос. Ей с большим трудом удалось от него отбиться, а на повторный вызов не явилась (уже началась эвакуация немцев). Почему этот затаившейся осколок царского прошлого не ушел с немцами – осталось для нас загадкой.

А с ним советские власти поступили жестоко: повесили, семью (жену и дочь) сослали, дом конфисковали.

Пострадала за сотрудничество также наша бывшая квартирная хозяйка милейшая Александра Ивановна Д. Она, работавшая на рынка в палатке продавщицей пирожков, с приходом немцев стала старшей в пекарне, выпекавшей из горелой муки хлеб для работающего населения. За такое «дело» она тоже получила 10 лет лагерей!

Как сейчас припоминаю, в ноябре месяце мой школьный товарищ Виктор П. сообщил мне, что на днях он вместе с отцом – кубанским казаком, отпущенном немцами из плена, по разрешению немецких властей ездил получать землю, которую отец владел до революции.

Эти и другие временные заигрывания оккупантов вполне понятны в регионе, где большинство простого казачьего сельского населения по известным причинам не очень любило советскую власть.

Нельзя не сказать несколько слов о русских «поллицах», ходивших в советской военной форме без знаков различия с белой повязкой на рукаве с винтовками за плечами. Этих хмурых людей мы боялись больше немецких солдат, мы ненавидели их.

Предатели охраняли лагерь советских военнопленных, находившийся на территории рынка в центре города. Рынок был огорожен высоким сплошным забором, по углам возвели вышки на столбах, где находились русские охранники с винтовками. Пленных, по слухам, кормили в основном

08/2009

только семечками подсолнухов и когда их вели на станцию для отправки в более «надежный» тыл, они еле передвигали ноги.

Оказывало гражданское население города сопротивление оккупантам? Безусловно.

Так, был пожар в цехе на мебельном заводе, сгорел ферментационный завод, благодаря самоотверженным действиям рабочих был полностью сохранен от уничтожения литейный завод, работающий и поныне. Но, к сожалению, были случаи хулиганства со стороны русских ребят, приводившие к трагедии.

Мальчик-хулиган 11-летний Женя П. (я видел его несколько раз) вооружившись топориком решил днем отрубить часть (кусок) телефонного кабеля, свободно лежащего на земле, себе на «качели». Кабель связывал аэродром с центром города. Задумано – сделано.

Немецкий патруль с собакой, направленный медленно по линии кабеля скоро схватил Женю. В результате он был зверски избит и вскоре расстрелян.

Советская пропаганда не применила использовать эту трагедию хулигана как диверсию организованную партизанами против немцев, исполнителем которой якобы был этот мальчик. Даже улицу называли его именем. Но со временем все вернулось на «круги своя», улица была переименована.

Однако поразительна, на мой взгляд, доверчивость немецких солдат-постояльцев. Наш последний постоялец средних лет оберейфрейтор горнострелковой дивизии №1 «Эдельвейс» Вильгельм из Мюнхена объявил однажды нам, что поедет на 2 дня на фронт, оделся по-походному, нацепил на ремень винтовочный штык-нож, трофейный советский револьвер «наган» и отбыл, спокойно оставив в комнате где жил свою винтовку с подсумками полными патронов. Видимо все было основано на его доверии к нам.

* * *

Прошел в тревогах 1942 год, наступил новый 1943 год.

Сразу после 1 января (наш постоялец встречал новый год в казино) стала ощущаться своеобразная суэта оккупантов, движение отдельных воинских групп, началось уничтожение воинского имущества, да и наша случайная знакомая старуха, русская немка, служившая на заводе переводчицей, сказала, что она получила документ на эвакуацию.

Поразительно, но это факт, что в январе 1943 года некоторые простые немецкие солдаты, жившие у наших соседей (без присутствия начальства, конечно), открыто выражали перед русскими свою ненависть к Гитлеру и Сталину, пославших их на эту войну, а солдаты словацкой моторизированной дивизии, воевавшей в наших краях, прямо на улице нам говорили (я был при этом) на неплохом русском языке, что будут сдаваться в плен Красной Армии.

Однако, «наш» Вильгельм аккуратно ходил на работу в гараж, располагавшийся недалеко от наше-

го дома, был спокоен, любезен с нами и не проявлял нервозности. Через несколько дней, днем, мы услышали сильные удары по нашему забору, отделявшему улицу от дома.

Оказывается, группа немецких солдат, нуждаясь в топливе и боясь добывать его в лесу, решила разбивать длинные заборы жителей, используя отбитые доски для своего обогрева. Посланный моей бабушкой «наш» постоялец поговорил с солдатами, но пресечь этот произвол, конечно, не смог. Так мы «пострадали» от немецких оккупантов – лишившись забора. Началось планомерное уничтожение немцами заводов, каменных общественных зданий, железнодорожных путей и библиотек. Наша соседка Валентина, студентка учительского института, с гневом рассказала, что близко от нас, на краю города, в сарае находится огромное количество художественной и другой литературы, свезенной немцами для уничтожения.

Я был этом сарае, ходил по месиву из книг в переплетах и без них. Здесь были книги издательства «Маркс», ЗИФ и многих других. Около сарая стоял солдат с винтовкой. Брать с собой что-либо было опасно. В центре города сгорело здание бывшего дворянского собрания с великолепным паркетным полом, достойным Шереметьевского дворца в Москве.

Повсюду были слышны взрывы, и столбы дыма поднимались вверх. Все это не испугало население города, в отличие от местных партизан. Все понимали, и мы тоже, что утром немцы сожгут дотла мебельный завод, находящийся рядом с нашими домами. Все стремились чем-то поживиться, улучшить свой быт, нам нужны были доски для восстановления забора, другим, паркет для пола или кровельное железо для крыши. Ночью кто-то оторвал две доски в сплошном заборе, окружавшем завод, и утром народ пошел на «штурм».

Пошел и я с мамой. Нам повезло, сразу за забором находился сарай, в котором было много досок, которые мы волоком стали перетаскивать в наш дом, благо тащить приходилось всего через улицу. Через полчаса материала для забора собрано было вполне достаточно. Но азарт грабителя, желавшего чем-либо обогатиться, толкал меня (как и любого на моем месте) на дальнейшее обследование территории завода. Со своим другом Толей, мы вбежали в здание заводоуправления, поднялись на второй этаж, заглянули в кабинет какого-то начальника. В кабинете, на наш взгляд, не было ничего примечательного, но заглянув в соседнюю комнату, я увидел о чем и мечтать не мог: на полках открытого шкафа стояло томов 20–25 Большой советской энциклопедии первого издания, с красными корешками.

Любовь к энциклопедиям мне была привита моей бабушкой, которая мне рассказывала о разных энциклопедиях, изданных в России до революции. Это Детская энциклопедия, энциклопедия Брокгауза и Эфрона и некоторых других. Отец однажды принес два пол тома Брокгауза и я с большим ин-

тересом рассматривал иллюстрации, карты, портреты, помещенные в них. Не теряя ни минуты, я бросился домой, взял там мешок и прибежал обратно. Всего 10–15 минут меня не было, но за это время, какая-то сволочь, успела сорвать переплеты со всех томов и моему взору предстало огромная куча белых листов. Переплеты видимо были нужны для стелек в сапогах или еще для чего-то. Покопавшись в грудe листов я нашел один уцелевший том №9, положил его в мешок и бросился на улицу. Выбежал я вовремя, недалеко от здания заводоуправления раздался сильный взрыв, во все стороны полетели обломки, это немцы взорвали котельную.

Нужно было бежать домой, но как не захватить с собой пару немецких лыж белого цвета с мягкими креплениями из длинного сарая, в котором они (лыжи) лежали штабелями до самого потолка. С одной стороны сарай был подожжен немцами, а с другой, ребята и взрослые тащили в охапках эти лыжи, топча ногами разбросанные на полу лыжные палки, отдельные лыжины.

Немецкий солдат, стоящий неподалеку, равнодушно взирал на это, но вдруг вскинул винтовку и открыл стрельбу вверх. Все бросились в разные стороны, бросился и я, захватив с собой пару коротких белых лыж с палками.

Все было кончено. Завод пылал ярким пламенем, немцы подожгли все здания, сараи, забор. Ярко, всю ночь, горели автомобильные покрышки. На наше счастье ветерок дул от наших домов и они не пострадали. Немцы организованно уехали примерно 25 января 1943 года, оставив небольшую команду, которая сожгла заводы и спокойно утром, на следующий день, отбыла им вслед.

На два дня воцарилась тревожная тишина безвластия: нет ни немцев, ни советских войск, ни партизан.

Наконец, ранним вечером, 27 января на перекрестке двух наших улиц, откуда не возьмись появились два человека. Один молодой, «комсомольского вида», мужчина в кожаной тужурке, кепке, в сапогах, с винтовкой без штыка за плечом, с немецкой гранатой на длинной ручке за поясом, недовольным тоном сказал людям, продолжавшим тянуть с пожарами горелое кровельное железо: «кончайте грабильку!». Его товарищ, цыганского вида с золотыми зубами, пожилой мужчина с винтовкой только улыбался при словах своего товарища.

«Где же вы были, партизаны, когда небольшая группа немцев сожгла несколько заводов и каменных зданий в городе?» – закричала какая-то баба, обращаясь к этим двум. Но народные мстители «оставались гордо молчаливыми» и скоро куда-то исчезли.

Все это происходило на моих глазах.

В марте стало известно, что многие «народные мстители» получили за свои деяния медали «Партизану Отечественной войны» I и II степени.

На следующий день утром появились наши воинские части. Они двигались медленно пешком, некоторые на лошадях, а также на санях (был небольшой снег на земле), в которые были запряжены не только лошади, но и верблюды.

Вдруг стоящая около меня эвакуированная красивая тридцатилетняя дама, вдова майора-пограничника, погибшего в Белоруссии, в первый день войны, громко закричала, узнав в проходящей колонне бойцов знакомого ей пограничника. Они обнялись, целовались.

Вот какие могли быть встречи во время войны!

«Идем девятый день девятой версту» – весело с юмором произнес проходящий боец, обращаясь к людям, стоящим на обочине.

Народ встречал освободителей радостно.

КНИГИ И ЛЮДИ

Георгий Вербицкий

Книга, которую следовало написать и издать в России

В США, в издательстве Елького университета в этом году вышла книга с названием «Величайшее хищение в истории: как большевики разграбили Россию». Автор книги известный историк Шона Макмикин, профессор Билькенского университета в Анкаре, Турция.

Ограбление страны началось сразу после отречения Николая II 2 марта 1917 г. (по старому стилю, «Октябрьская революция» началась 25 октября 1917 г. по старому стилю. Все остальные даты будут указаны по новому стилю) и «калифства» Керенского, ставшего главой Временного Правительства. Было национализировано имущество Романовых:

дворцы, земельные угодья, царские поезда и яхты, драгоценности. Понимая, что без банков не обойтись, банки, как и частная собственность не были официально тронуты. Начавшийся захват и грабеж господских имений еще не имел официальной санкции – официальный грабеж начался с захватом власти большевиками во главе с Лениным. По причине забастовок банковских чиновников, захвата заводов «пролетариатом», увольнения руководства и знающих инженеров, обесцениванию бумажных денег, нормальный образ жизни в стране прекращается. Покупка, продажа, выдача жалования, выплата по долгам, как внутренним, так и внешним, оста-

08/2009

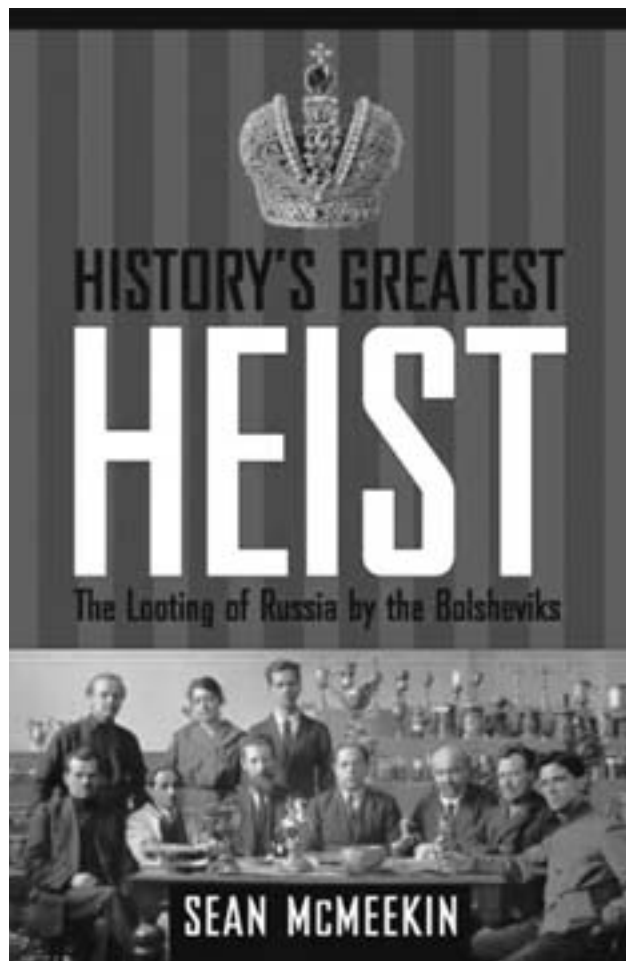
навливается. Ленину нужны деньги для ведения борьбы с восставшими Белыми Армиями. Знаменитые латышские стрелки были наемниками, требовавшими плату за свои услуги. Надо было платить и своим военным и служащим, не говоря уже о закупке военного материала за границей. Началом узаконенного грабежа государственного и частного имущества надо считать декрет большевиков от 27 декабря 1917 г. об упразднении частных банков. Капитал банков, все денежные вложения частных лиц, драгоценности, хранимые в сейфах, ценные бумаги, и т.д. и т.д. – всё переходит в руки новой власти, никем не избранной.

Ленин, не желая отставать от товарищей-грабителей, берет для своих нужд три шикарных автомобиля из императорского гаража: два Роллс-ройса и более старый Делауней-Белвилл. И тут происходит конфуз. В марте 1918 г. в одну из поездок Ленина в Делауней-Белвилле автомобиль был остановлен под дулом пистолета и похищен. Изречение Ленина «мы грабим награбленное» было осуществлено на практике! У Ленина оставалось еще два Роллса, на которых он продолжал разъезжать.

За банками следует захват церковей и церковного имущества (декрет 20 января 1918 г.) и отказ выплаты долгов царского правительства. Все эти меры приводят к полному застою в стране. Заводы не работают, железнодорожная система в полном развале, подвоз пищевых продуктов из сел прекращается, идет гражданская война. Чтобы удержаться у власти, увеличивается число служащих в карательных органах и членов партии большевиков. К 1921 г. насчитывается 280 тысяч работников Чeka.

В руках большевиков сосредоточиваются огромные богатства: золотой запас России, частные ценности, хранимые в банковских сейфах, церковная золотые и серебряная утварь, сотни, если не тысячи старинных и дорогих икон, миллионы в царских бумажных рублях и «керенки», которые до некоторого времени имели хождение и силу обмена на иностранную валюту. Советской власти необходимо было найти возможность превратить тонны награбленных богатств в вооружение и обмундирование Красной армии. Такого выхода не было: немецкий флот блокировал порты Балтийского моря, на западе дорога была закрыта Белыми Армиями и немецкой военной оккупацией Украины и Балтийских стран, в Сибири дорогу запер адмирал Колчак.

Чтобы выйти из почти безвыходного положения Ленин заключает перемирие 5 декабря 1917 г. с Германией и её союзниками, а 3 марта 1918 г. заключает метко названный «похабный» Брест-Литовский мир. По этому миру Россия теряет 750 тысяч квадратных километров своей земли: всю Балтику и выход к Черному морю. Через сателлитов, под контролем Германии оказываются 55 миллионов в прошлом российских граждан, более половины заводов России и три четверти угольных и железных иско-

паемых. Германия требует выплаты репараций в сумме 6 миллиардов немецких марок (200 миллиардов долларов США по сегодняшнему курсу). Выплата репараций состояла из пяти взносов. Первые два взноса в сумме 662,5 миллиона марок были выплачены следующим образом: половина царскими рублями и половина золотом (приблизительно 93 тысячи 500 килограмм). Таким образом Германия больше чем окупала свою затрату в 50 миллионов немецких марок золотом на поддержку Ленина и «Октябрьской революции». Забегая вперед, за эту помощь большевикам Германия дорого заплатила, проиграв Вторую мировую войну и перенеся последовавшую тяжелую советскую оккупацию.

Заключение мира с Германией дает лазейку в Европу правительству Ленина. Начинается финансирование революции в Германии и одновременно закупка военного материала и сырья. Немцы доставляют в мёрзнувший Петроград 40 тысяч тонн угля, позволившее советской власти пережить зиму 1918 г. Нельзя забывать роль военных контингентов США, Франции, Англии, позже Японии, высадившихся в Мурманске, Архангельске и Владивостоке весной 1918 г. и покинувших Россию только в 1920-м г. Советская пропаганда годами заверяла своих граждан, что это была попытка капиталистов завладеть богатствами страны. На самом деле западные союзники были приглашены Троцким, чтобы предотвратить захват скопившегося военного

снаряжения в русских портах. Японцы высадили во Владивостоке самое большое число военных – 70 тысяч – их намерения были территориальные. В задачу военных западных стран не входила борьба с Красными и помощь Белым Армиям. Редкая помощь, когда и оказывалась, была недостаточной.

На Западном фронте 11 ноября 1918 г. объявляется перемирие, а 9 июля 1919 г. Германия официально капитулирует и подписывает Версальский договор. Ленин издает декрет 1 октября 1918 г. приказывая поставить под ружье 3 миллиона красноармейцев. В стране нет ресурсов одеть и вооружить такое громадное число бойцов и командиров. Следовательно, вся военная экипировка должна быть куплена в Европе. За всё нужно платить твердой валютой или золотом и драгоценными камнями. После капитуляции Германии Англия берет на себя блокаду Балтийского моря, которая продолжается сравнительно недолго. Ллойд Джордж, премьер-министр Великобритании, решает, что надо коренным образом переменить политику по отношению к советской России, и официально заявляет 8 ноября 1919 г. что «Россия это зыбучий песок» и ее Гасго признает советскую власть. Блокада отменяется.

Белые Армии, плохо оснащенные и малочисленные по сравнению со своим противником, после первоначальных успехов, начинают отступать, оттаиваясь в Крыму. Речь Ллойда Джорджа, которую надо было понимать как предсказание победы большевиков воспринимается Белыми войнами как предательство и действительно означает конец сопротивления большевикам. В декабре 1919 г. английские и французские военные корабли покидают Крым. Генерал Врангель и остатки Белой Армии покидают Севастополь 14 ноября 1920 г.; корабли бросают якорь в Константинополе и Бизерте. В течение и после окончания Гражданской войны Швеция сыграла огромную роль в помощи большевикам для ведения торгов и покупки необходимых товаров для существования страны советов. В сегодняшней терминологии банки Стокгольма «отмывали», русское золото. Отмывание заключалось в переплавке русских золотых слитков с царскими клеймами в слитки со своим клеймом. До признания Советского Союза странами Европы царское золото могло быть конфисковано Англией и Францией как уплата за займы данные России для покупки военного снаряжения.

Многочисленные торговые сделки между советскими и странами Европы шли через шведские банки. Надо заметить, что Швеция как нейтральное государство в Первой и Второй мировой войне, торговала с обеими воюющими сторонами.

Голод на Поволжье, который советские пытались скрыть, к лету 1921 г. грозил смерти 25 миллионам людей. Оправдывая разгром и ограбление церквей, был придуман лозунг «Иконы и золото за хлеб». На самом деле советские владыки заказывали следующее: английский шоколад на сумму 30 миллио-

нов царских рублей; фруктов, табака и опиума из Персии на 63 миллиона рублей, 40 тысяч тон шведской селедки, 250 тон финской засоленной рыбы, 7 тысяч тон немецкого сала. Вот что вспоминал в своей книге Георгий Соломон, один из дельцов краденых вещей: «Советская элита поглощала трюфели, ананасы, мандарины, бананы, сушеные фрукты, сардинки и Бог знает что еще» когда по России «люди умирали с голода». Кроме яств заказывалось и оружие для борьбы с восставшим голодным народом: аэропланы, автомобили, оружие и артиллерия и также сапоги и обмундирование для Красной Армии. Акция «Помгол» – «Помощь голодным» была пропагандистским трюком. Настоящая помощь пришла из США по программе Г. Гувера «Американская Администрация Помощи» и этим сохранила жизнь тысячам россиян.

Предприниматель Арманд Хаммер, друг Ленина, долгие годы был посредником при продаже в США награбленных драгоценностей, устраивая по Америке выставку-продажу присланного из Советского Союза добра. Ему были даны клейма Фаберже, которые он ставил на подходящие изделия по своему усмотрению. Сегодня не всегда можно отличить, какая вещь была изготовлена мастерами Фаберже, а какая нет. Конечно, это замечание не относится к изделиям с мировой известностью.

В 1914-м г. золотой запас России был самым большим в Европе и составлял 1200 тонн или 1,7 миллиардов царских рублей. Считается, что к началу Октябрьской революции золотой запас понизился до 950-ти тонн. К этим цифрам надо добавить золото в частных руках, золотые драгоценности, как церковные, так и мирян. Драгоценные камни, серебро, церковное и домашнее, иконы, картины, старинные книги – все, что можно было продать или обменять, большевики продавали, часто за бесценок.

Последнюю главу в книге автор назвал «От Стокгольма до Сотсби». В этой главе автор коротко пишет об аукционах в Европе в конце 1920-х и начале 1930-х годов, на которых распродавались исторически ценнейшие антикварные изделия и картины, принадлежавшие частным лицам, и силой у них отнятые большевиками. Немецкая фирма Р. Лепке продала 450 картин таких мастеров, как Рембрандт, Рубенс, Ван Дейк, Джорденс, Тинторетто, Бассано и другие. Кроме картин с молотка продавалась «коллекция драгоценных коробок для нюхательного табака, французская дорогая мебель» взятая из дворцов Романовых. Русские беженцы подали в суд, доказывая, что многие вещи на аукционе принадлежат им; немецкий суд отклонил все требования. Галереи, антикварные магазины и аукционные фирмы в Берлине, Вене и Стокгольме в те года были полны украденными драгоценностями, начиная с алмазов и рубинов, и кончая недорогими изделиями из бронзы и дерева. Не были забыты и еврейские реликвии, которые были брошены на продажу в Вене.

Попытки русских беженцев доказать в европейских судах, что продаются вещи им принадлежащие, не доходили даже до рассмотрения. Английская аукционная фирма Кристи (Christie) не сочла нужным просить разрешения у своих властей на аукцион «Российских государственных драгоценностей». Суды считали, что после торгового соглашения между Ллойд Джорджем и Лениным краденые вещи можно свободно продавать и покупать. В покупателях не было недостатка, тем более что бесценные вещи продавались за бесценок. Надо отметить одного из покупателей который не стеснялся деньгами. Андрей Меллон, сталелитейный магнат, купил в 1930–1931 гг. несколько картин Рембрандта, Ван Дейка, Боттичелли и по одной картине Рубенса, Рафаэля и Тициана на 6,5 миллионов долларов. Все картины были взяты из Эрмитажа. В то время Меллон служил секретарем казначейства США, и в его ответственности было соблюдение анти-сбросочного закона советского товара. Ничуть усомнившись, Меллон, при заполне-

нии бумаг подоходного налога, обозначает эту трату как благотворительное пожертвование (в США благотворительные пожертвования снимаются с дохода и таким образом налог на доход снижается). Автор книги восклицает: «Нет предела лицемерию!»

Эта глава и книга заканчивается следующей мыслью автора (в моем сокращенном переводе): «До крайности грустно, что российское национальное богатство нажитое веками было расхищено и что об этом мало кто знает. Труженики, работавшие на благо родины, создавая, собирая, уважая и гордясь российскими национальными святынями, были названы “классовыми врагами” и уничтожены». Лучше не скажешь.

См. также:

Robert S. Williams. *Russian Art and American Money, 1900–1940*. Harvard University Press, Cambridge, MA, 1980.

Edward Jay Epstein. *Dossier, the secret history of Armand Hammer*. Random House, New York, 1996.

Цветков Василий Жанович Белое дело в России. 1917–1918 гг. формирование и эволюция политических структур Белого движения в России

М.: «Посев», 2008

Научные рецензенты:

доктор исторических наук А.В. Лубков,
доктор исторических наук А.Д. Степанский,
доктор исторических наук Д.О. Чураков

В монографии рассматриваются особенности процесса формирования и развития политических структур российского Белого движения в период от отречения Государя Императора Николая II и выступления генерала Л.Г. Корнилова, до формирования Уфимской Директории и установления власти Верховного Правительства России адмирала А.В. Колчака, осенью 1918 г. Анализируются вопросы политико-правового статуса структур контрреволюции, антибольшевистского и Белого движений, их взаимодействие и конфликты в первые периоды гражданской войны в России 1917–1922 гг.

